

Предатель

Я ношу твоего ребенка

Лана Рокоссовская

Предатель. Я ношу твоего ребенка

«Автор»

2026

Рокоссовская Л.

Предатель. Я ношу твоего ребенка / Л. Рокоссовская — «Автор»,
2026

В день свадьбы Захара с другой Лия поняла: её не просто отпустили — её не выбрали. Она пришла не разрушать торжество и не просить любви. Но одна встреча и тайна, которую больше невозможно скрывать, меняют всё: Лия ждёт ребёнка. Теперь Захару предстоит сделать выбор между удобной жизнью, одобренной семьёй, и женщиной, которую он потерял по собственной вине. Лия больше не хочет быть запасным вариантом. Захар больше не может прятаться за молчанием. А несостоявшаяся свадьба становится началом истории, где любовь придётся доказывать не словами, а поступками. Смогут ли он вернуть её доверие? И сможет ли Лия простить мужчину, который однажды выбрал не её?

© Рокоссовская Л., 2026

© Автор, 2026

Лана Рокоссовская

Предатель. Я ношу твоего ребенка

Глава 1. Приглашение

Приглашение лежало на столе так, будто имело право находиться в её доме.

Плотная кремовая бумага. Тиснёные буквы. Сдержанный золотой узор по краю. Ничего лишнего — только дорогая уверенность людей, которые привыкли объявлять о своих решениях так, словно весь мир обязан был принять их без вопроса.

Лия смотрела на конверт уже десять минут и всё ещё не могла заставить себя дотронуться до него снова.

Первый раз она взяла его спокойно. Даже подумала, что это какая-нибудь ошибка: деловое приглашение, приём, благотворительный вечер, очередной закрытый ужин, куда Захар иногда звал её в последний момент, если был уверен, что там не будет его отца.

Но потом она раскрыла конверт.

И её жизнь треснула тихо, почти беззвучно.

«Захар Воронцов и Лейла Арсанова имеют честь пригласить вас на торжественную церемонию бракосочетания...»

Дальше Лия не читала.

Глаза зацепились за имя Захара, за чужое женское имя рядом с ним, за слово «бракосочетание» — официальное, торжественное, окончательное.

За восемь лет он ни разу не произнёс это слово рядом с её именем.

Лия медленно опустилась на стул.

За окном темнел город. Поздний вечер стекал по стеклу мелким мокрым снегом. На кухне горел только один светильник над столом, и в его мягком круге приглашение казалось не бумагой, а приговором.

Она не плакала.

Сначала не плакала.

Слёзы пришли позже, когда тело поняло то, что разум ещё пытался отрицать.

Захар женится.

Не уезжает на месяц. Не заключает сложную сделку. Не снова просит «переждать», «не давить», «не делать всё тяжелее».

Женится.

На другой.

Лия поднялась, подошла к окну и прижала ладонь к холодному стеклу. Внизу, во дворе, дворник сгребал мокрый снег к краю дорожки. Чёрные машины медленно въезжали под арку. Люди возвращались домой — к жёнам, мужьям, детям, горячему ужину, обычным ссорам, простым словам.

А у неё был Захар.

Всегда был Захар.

Только не до конца.

Его рубашки висели в её шкафу. Его часы лежали в верхнем ящике комода. Его любимая чашка стояла на второй полке. В ванной — его бритва, его дорогой тёмный флакон, его полотенце. Он оставлял в её квартире следы уверенного мужчины, который мог появиться ночью, утром, среди недели, после тяжёлого совещания, после семейного ужина, после скандала с отцом.

Он входил своим ключом.

Снимал пальто.

Молчал.

Иногда просто обнимал её сзади так крепко, будто весь мир снаружи был чужим, а она — единственным местом, где он мог дышать.

— Ты мой дом, — сказал он однажды в темноте.

Лия тогда закрыла глаза и поверила.

Как глупо.

Домом её называли ночью.

А женой решила стать другая.

Телефон завибрировал на столе.

Лия вздрогнула. Обернулась. На экране высветилось его имя.

Захар.

Не «любимый». Не «мой». Просто Захар.

Она изменила запись полгода назад после очередного разговора, в котором он сказал:

— Сейчас не время, Лия.

Тогда она впервые почувствовала, что это «сейчас» может длиться всю жизнь.

Телефон вибрировал долго. Настойчиво. Как он сам.

Лия не ответила.

Звонок оборвался. Через несколько секунд пришло сообщение.

«Я приеду поздно. Не ложись».

Она смотрела на эти слова и почти физически чувствовала, как внутри поднимается пустой смех.

Не ложись.

То есть всё как прежде.

Он знал.

Конечно, знал.

Приглашение не могло выйти без его согласия. Не могло быть напечатано без даты, без его фамилии, без его решения или хотя бы его молчания.

И всё равно он собирался приехать сюда поздно.

К ней.

После того как его будущая свадьба уже была разслана по нужным адресам.

Лия взяла телефон. Пальцы были холодными.

Она набрала:

«Не приезжай».

Стерла.

Набрала снова:

«Я всё знаю».

Снова стерла.

Потом положила телефон экраном вниз.

Нет.

Не сообщением.

Не жалобой.

Не вопросом: «Как ты мог?»

Она и так знала как.

Молча.

По-мужски удобно.

Так, чтобы ничего не решать самому, пока всё не решат другие.

Лия подошла к шкафу в спальне.

Комната была полутёмной. Постель не разобрана. На спинке кресла висела его чёрная рубашка — та самая, в которой он был три дня назад. Он тогда пришёл после полуночи, злой, уставший. Лия спросила, что случилось. Захар ответил:

— Семья.

И больше ничего.

Она не стала давить. Как всегда.

Она умела быть удобной.

Тихой, понимающей, терпеливой. Женщиной, которая не устраивает сцен. Женщиной, к которой можно прийти, когда в официальной жизни всё слишком громко. Женщиной без статуса, зато с горячими ладонями, спокойным голосом и ключом от квартиры.

Лия открыла дверцу шкафа.

Его костюмы висели справа. Их было немного, но достаточно, чтобы каждый раз, открывая шкаф, она чувствовала: он здесь не гость. Он часть её пространства.

Она достала первый пиджак.

Потом второй.

Сняла с вешалки рубашки.

Сложила всё на кровать.

Двигалась медленно, аккуратно, почти без эмоций. Только сердце билось так сильно, что становилось трудно дышать.

В ящике комода лежали его запонки, ремень, запасной телефон, несколько документов в кожаной папке. Лия не открывала их. Никогда не открывала. Она уважала его границы так старательно, что не заметила, как её саму оставили за границей его жизни.

Она сложила вещи в большой тёмный чемодан.

Чемодан тоже был его.

Он купил его перед поездкой, куда должен был взять её, но в последний момент отменил. Сказал, что едет с отцом. Вернулся через три дня с подарком — серьгами с белыми камнями.

Лия тогда не спросила, почему от него пахло женскими духами.

Глупая.

Нет, не глупая.

Влюблённая.

Это хуже.

На полке в прихожей лежали его ключи от её квартиры. Запасные она сама ему отдала шесть лет назад. Тогда ей казалось, что это шаг к близости. Теперь она понимала: она открыла дверь мужчине, который так и не открыл перед ней свою.

К полуночи чемодан стоял у входа.

Лия сняла с крючка его шарф, бросила сверху. Потом прошлась по квартире ещё раз.

Ванная. Полка. Бритва — в пакет. Флакон — туда же.

Кухня. Чашка. Она замерла.

Белая чашка с тонкой трещиной у ручки.

Захар однажды разбил её, когда резко поставил на стол. Лия хотела выбросить, но он сказал:

— Не надо. Она моя.

И она оставила.

Лия взяла чашку, посмотрела на неё, потом поставила обратно.

Нет.

Пусть останется.

Не всё предательство можно упаковать в чемодан.

Ночь прошла без сна.

Она сидела на полу у кровати, завернувшись в плед, и слушала, как город становится тише, потом снова оживает. Несколько раз телефон загорался. Захар звонил. Писал.

«Ты дома?»

«Лия, ответь».

«Я приеду утром».

Она не отвечала.

Около шести утра небо за окном посерело. Мокрый снег сменился мелким дождём. Лия поднялась, приняла душ, долго стояла под водой, пока кожа не покраснела от жара. Потом надела тёмное платье с длинными рукавами, собрала волосы в низкий узел и подкрасила губы.

В зеркале была женщина, которая выглядела спокойной.

Почти чужая.

Лия смотрела на неё и пыталась найти ту, которая ещё вчера ждала Захара к ужину.

Не нашла.

В восемь тридцать в замке повернулся ключ.

Она стояла в гостиной, возле окна, и не обернулась сразу.

Дверь открылась резко.

Захар вошёл без стука, как всегда. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, с влажными от дождя волосами. Он принёс с собой холод улицы и запах дорогого табака, которым сам почти не пользовался, но который всегда витал в доме его отца.

— Лия.

Её имя прозвучало низко, хрипло.

Она всё-таки обернулась.

Захар остановился в прихожей.

Он сразу увидел чемодан.

Глаза потемнели.

— Что это?

Лия посмотрела на него спокойно.

— Твои вещи.

Он медленно закрыл дверь.

— Я спросил, что это значит.

— А я ответила.

Захар снял пальто, но не повесил. Бросил на тумбу. Прошёл в комнату, взглядом зацепил приглашение на столе.

Лия заметила, как напряглась его челюсть.

Значит, сюрприза не было.

Он знал.

Всё знал.

— Кто тебе это прислал? — спросил он.

Она даже улыбнулась. Слабо, без радости.

— Захар, правда? Это сейчас самый важный вопрос?

Он поднял на неё глаза.

— Я хотел сказать тебе сам.

— Когда? После свадьбы?

— Не начинай.

Вот оно.

Знакомое. Твёрдое. Мужское.

Не начинай.

Словно это она создавала проблему. Словно не его имя стояло рядом с именем другой женщины на дорогой бумаге.

Лия подошла к столу, взяла приглашение двумя пальцами и протянула ему.

— Прочитай.

— Я знаю, что там написано.

— Конечно знаешь. Там ведь твоя свадьба.

Захар резко отвернулся, провёл ладонью по лицу.

— Всё не так просто.

Лия тихо рассмеялась.

Смех вышел коротким и больным.

— Восемь лет, Захар. Восемь лет я слушаю эту фразу.

Он посмотрел на неё так, будто она ударила.

— Ты знаешь, в каком мире я живу.

— Нет, — сказала Лия. — Я знаю только, в какой мир ты меня не пустил.

Молчание сгустилось между ними.

За окном глухо шумели машины. Где-то в квартире капала вода — наверное, неплотно закрытый кран в ванной. Такой обычный звук. Такой неуместный в утро, когда умирает жизнь.

Захар шагнул ближе.

— Лия, послушай меня.

Она отступила.

Он заметил.

Впервые, кажется, заметил по-настоящему.

— Не подходи.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Нет. На эмоциях я была ночью. А сейчас я очень спокойна.

— Спокойные люди не собирают чемоданы.

— Ошибаешься. Иногда именно спокойные люди наконец делают то, что давно должны были сделать.

Его лицо стало жёстче.

— Ты никуда не уйдёшь.

Лия посмотрела на него с усталостью.

— Вот в этом весь ты.

— Что?

— Даже сейчас ты не говоришь: «Я отменю свадьбу». Ты говоришь: «Ты не уйдёшь».

Захар замолчал.

И это молчание ответило громче любых слов.

Лия почувствовала, как что-то внутри окончательно оборвалось. Не с болью — с ясностью. Как натянутая нить, которую слишком долго держали на пределе.

— Она красивая? — спросила она вдруг.

Захар нахмурился.

— Кто?

— Лейла. Твоя невеста.

— Не надо.

— Я спросила: она красивая?

Он смотрел на неё долго. Потом тихо сказал:

— Да.

Лия кивнула.

Странно, но ответ не ранил сильнее. Боль уже была такой большой, что новые детали в неё почти не помещались.

— Ты с ней спал?

— Лия.

— Ответь.

— Нет.

Она смотрела ему в глаза, пытаясь понять, верит или нет.

Верила.

И от этого становилось только хуже.

Потому что измена была не в теле.

Измена была в выборе.

Он не отдал другой женщине ночь.

Он отдал ей имя.

Будущее.

Место рядом с собой перед всеми.

То, чего Лия ждала годами и стыдилась признаться даже себе.

— Значит, я должна радоваться? — спросила она. — Ты женишься на ней чисто по делам?

Захар резко выдохнул.

— Это договорённость между семьями. Временная конструкция. Формальность.

— Брак — формальность?

— В нашем круге — часто да.

— А я тогда кто? Неформальность?

Его лицо дрогнуло.

— Ты знаешь, кто ты для меня.

— Нет, Захар. Больше не знаю.

Он подошёл ближе, медленнее, осторожнее.

— Ты моя женщина.

Лия закрыла глаза.

Когда-то эти слова согревали.

Теперь в них слышалась клетка.

— Твоя женщина, — повторила она. — Но не твоя жена. Не твоя семья. Не та, кого представляют отцу. Не та, кого сажают рядом на приёмах. Не та, чьё имя печатают рядом с твоим.

— Я защищал тебя от этого.

— От чего? От уважения?

— От грязи, которая там есть.

— Нет. Ты защищал себя от выбора.

Захар резко отвернулся. На скулах заходили желваки.

— Ты не понимаешь, чем я рискую.

— Понимаю. Деньгами. Властью. Наследством. Одобрением отца. Удобной жизнью.

— Это не просто удобная жизнь.

— А я была просто удобной любовью?

Он молчал.

Лия взяла со спинки стула его тёмный шарф, подошла к чемодану и убрала его внутрь. Застегнула молнию.

Звук получился громким. Окончательным.

Захар смотрел на её руки.

— Не делай этого.

— Уже сделала.

— Лия.

В его голосе впервые появилась не злость. Страх.

Она подняла глаза.

— Что?

— Я не отпущу тебя.

— Ты уже отпустил. Просто не заметил.

Он шагнул к ней и взял за запястье.

Не больно. Но крепко.

Тепло его ладони обожгло сильнее, чем мог бы обжечь холод. Тело предательски вспомнило всё: его руки на её талии, его дыхание у виска, тяжесть его головы на её коленях в те редкие вечера, когда он позволял себе быть не Воронцовым, а просто уставшим мужчиной.

Лия ненавидела себя за то, что на мгновение захотела прижаться к нему.

Ненавидела и любила.

— Отпусти, — сказала она.

— Посмотри на меня.

— Отпусти.

— Я всё решу.

Она медленно подняла глаза.

— Как?

— Дай мне время.

Вот и всё.

Снова.

Та же пропасть в других словах.

Лия высвободила руку. На коже остался след его пальцев — не красный, нет, просто ощущение. Память.

— У тебя было восемь лет.

Захар будто окаменел.

— Ты жестока.

— Нет. Я поздно стала честной.

Он смотрел на неё так, словно не узнавал.

И, может быть, действительно не узнавал. Он привык к Лии, которая ждёт. Слушает. Принимает. Молчит, когда ему нужно молчание. Говорит, когда ему нужно тепло. Не требует того, что он не готов дать.

Но та Лия умерла ночью над кремовым приглашением.

— Ты думаешь, уйдёшь, и тебе станет легче? — спросил он глухо.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы мне не стало ещё хуже.

Он сжал губы.

— Ты любишь меня.

Лия почувствовала, как внутри дрогнуло что-то живое и больное.

— Да.

Захар сделал шаг к ней, будто это «да» давало ему право надеяться.

Она подняла ладонь, останавливая.

— Но я больше не хочу быть женщиной, которую любят в темноте.

Он замер.

Лия подошла к прихожей, взяла своё пальто. Пальцы плохо слушались, но она справилась с пуговицами. Надела сапоги. Подняла сумку.

Захар стоял посреди комнаты, высокий, сильный, красивый до боли. Мужчина, ради которого она когда-то была готова потерпеть любой холод, если знала, что в конце ночи он всё равно придёт к ней.

Теперь она смотрела на него и понимала: он придёт ещё много раз.

Если она позволит.

Будет просить, злиться, обещать, касаться её так, что сердце забудет гордость. Он умеет занимать пространство. Умеет возвращать себе своё.

Но она больше не хотела быть его вещью.

— Куда ты пойдёшь? — спросил он.

— Не к тебе.

— Лия.

— Не надо.

Она взяла его чемодан за ручку и подвезла к двери.

— Забери.

Захар не двинулся.

— Я не заберу вещи из твоей квартиры.

— Тогда они останутся в подъезде.

Его взгляд потемнел.

— Ты правда хочешь устроить спектакль?

— Нет. Поэтому забери сейчас.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Захар подошёл. Резко взял чемодан. Поставил его у стены.

— Ты никуда с ним не выйдешь.

— Я выйду без него.

Она открыла дверь.

В подъезде пахло сыростью, утренним кофе из соседней квартиры и мокрой шерстью чьей-то собаки. Обычный запах обычной жизни. Лия вдруг вцепилась в ручку двери, потому что от этого обычного стало невыносимо больно.

Захар подошёл сзади.

Близко.

Слишком близко.

— Останься, — сказал он тихо.

Одно слово.

Не приказ. Не угроза.

Просьба.

Самая опасная из всех.

Лия закрыла глаза.

Если бы он сказал это вчера — может быть.

Если бы он пришёл ночью, бросил ей приглашение и сказал: «Я всё отменю» — может быть.

Если бы за восемь лет хоть раз выбрал её не шёпотом, а вслух — может быть.

Но сейчас его «останься» означало только одно: останься рядом, пока я женюсь на другой.

Она повернулась.

— Отмени свадьбу.

Захар молчал.

Лия кивнула, будто слышала ответ.

— Вот видишь.

Он резко произнёс:

— Это не так просто.

— Прощай, Захар.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что я не выдержу.

Лия посмотрела на него долго. Впервые за ночь её глаза наполнились слезами, но она не позволила им упасть.

— А я должна была выдержать?

Он не ответил.

И она вышла.

Дверь за спиной не закрылась сразу. Захар стоял на пороге, будто всё ещё мог одним взглядом вернуть её назад.

Лия спустилась по лестнице, хотя лифт стоял на этаже. Ей нужно было идти. Двигаться. Не остановиться. Не услышать, как он зовёт. Не обернуться.

На первом пролёте она всё-таки слышала его шаги.

— Лия!

Она ускорила шаг.

— Лия, остановись.

На втором этаже он догнал её и схватил за локоть. На этот раз осторожно, почти бережно, но Лия резко повернулась.

— Не трогай меня.

Захар отпустил сразу.

Его лицо было бледным от ярости и страха.

— Ты не можешь просто уйти после восьми лет.

— Могу.

— Я люблю тебя.

Она вздрогнула.

Сколько раз она ждала этих слов именно так — не в темноте, не после близости, не глухо в волосы, а лицом к лицу, как признание, как выбор.

И вот он сказал.

Слишком поздно.

— Любовь без поступка — это звук, Захар.

Он смотрел на неё, будто она говорила на чужом языке.

— Что ты хочешь от меня?

Лия усмехнулась сквозь боль.

— Уже ничего.

И это было правдой.

Самой страшной.

Она больше не хотела просить. Не хотела объяснять, как надо любить. Не хотела стоять перед мужчиной с протянутым сердцем и ждать, когда он решит, достаточно ли оно важно, чтобы рискнуть.

Внизу хлопнула подъездная дверь. Вошла пожилая соседка с пакетом в руках, увидела их, смутилась и быстро прошла мимо.

Лия опустила взгляд.

Вот он — весь её статус.

Сцена на лестнице. Тайный мужчина. Слова, которые нельзя произносить громко.

Она пошла дальше.

На улице дождь стал сильнее. Мокрый снег таял на асфальте, превращая город в серое отражение самого себя. Лия вдохнула холодный воздух и почувствовала, что не может нормально выдохнуть.

Захар вышел следом.

— Я отвезу тебя.

— Нет.

— Лия, не упрямься.

Она обернулась.

— Не командуй мной хотя бы в день, когда женишься на другой.

Его ударило.

Она увидела это по глазам.

Хорошо.

Пусть хоть что-то почувствует.

У тротуара остановилась свободная машина. Лия подняла руку, открыла заднюю дверь и села.

Захар подошёл быстро, наклонился, удерживая дверь.

— Куда ты поедешь?

— Туда, где меня не будут прятать.

— Я найду тебя.

— Не надо.

— Найду.

Лия посмотрела на него снизу вверх. Дождь стекал по его вискам, ворот рубашки намок, глаза были чёрными.

В другое время она бы коснулась его лица. Сейчас только сказала:

— Если найдёшь, не удивляйся, что прежней меня там уже не будет.

Она потянула дверь на себя.

Захар не отпускал ещё секунду.

Потом медленно убрал руку.

Машина тронулась.

Лия не оглянулась сразу. Смотрела перед собой, на размытые стеклом огни, на серые дома, на людей под зонтами. Водитель спросил адрес. Она назвала улицу Ольги — единственного человека, к которому могла приехать без объяснений.

Только когда машина свернула со двора, Лия позволила себе посмотреть назад.

Захар стоял у подъезда.

Один.

Высокий, неподвижный, в расстёгнутом пальто под холодным дождём.

Впервые за восемь лет он не уходил от неё.

Это она уезжала от него.

Лия отвернулась к окну.

И только тогда слёзы покатались по лицу — тихо, горячо, без всхлипов.

Она прижала ладонь к губам, чтобы не издать ни звука.

В сумке завибрировал телефон.

Одно сообщение.

От Захара.

«Это не конец».

Лия смотрела на экран сквозь слёзы.

Потом выключила телефон.

За окном город просыпался, равнодушный к чужим разрушенным жизням. Машина везла её прочь от квартиры, где осталась белая чашка с тонкой трещиной, приглашение на

чужую свадьбу и мужчина, который слишком поздно понял, что дверь может закрыться и за ним.

Лия закрыла глаза.

Она ещё не знала, что через несколько дней одно утро изменит всё снова.

Что боль окажется не последней.

Что внутри её тела уже зарождается новая причина жить, бороться и больше никогда не соглашаться на любовь, которую надо прятать.

Пока она знала только одно.

Она ушла.

Глава 2. Дом, где решают судьбы

Захар не сразу вернулся в квартиру.

Он стоял под дождём у подъезда, пока ворот рубашки не стал мокрым, пока вода не потекла за шиворот, пока пальцы не онемели от холода. Люди проходили мимо, бросали быстрые взгляды и тут же отводили глаза. В этом городе умели не замечать чужие драмы, особенно если мужчина в дорогом пальто стоял посреди двора с таким лицом, будто мог одним взглядом остановить утро.

Но утро не остановилось.

Машины выезжали из арки. Хлопали двери. Где-то смеялась женщина, таща за руку сонного ребёнка в яркой шапке. Сосед выносил мусор. Всё продолжалось так, словно Лия не только что вырвала себя из его жизни.

Захар сжал телефон.

На экране по-прежнему висело его последнее сообщение.

«Это не конец».

Он отправил его почти машинально, как ставят подпись под документом, в котором уверены заранее. Он всегда так делал: фиксировал решение, а потом заставлял обстоятельства подчиниться.

Но сейчас экран молчал.

Лия не прочитала. Или прочитала и выключила телефон.

От этой мысли внутри поднялась глухая злость. Не на неё — на бессилие. На то, что он не мог сейчас сесть в машину, найти её, привезти обратно и закрыть дверь на ключ от всего мира.

Хотя ещё вчера он бы именно так и подумал: найти, вернуть, удержать.

Сегодня её слова не давали сделать даже шаг.

«Даже сейчас ты не говоришь: “Я отменю свадьбу”. Ты говоришь: “Ты не уйдёшь”».

Захар медленно выдохнул.

Проклятие.

Он знал, что она права.

Самое мерзкое было именно в этом. Не в её уходе. Не в чемодане. Не в слезах, которые она удержала сильнее, чем он удерживал себя. А в том, что каждое её слово попадало точно в место, которое он годами прикрывал властью, делами, усталостью, чужими требованиями.

Он не сказал: «Я отменю свадьбу».

Потому что не мог?

Или потому что не решился?

Захар резко развернулся и вошёл обратно в подъезд.

Лестница пахла сыростью и старой краской. На ступенях темнели следы его мокрых ботинок и лёгкие, почти незаметные следы Лии. Он поднялся на её этаж медленно, будто возвращался не в квартиру, а на место преступления.

Дверь была приоткрыта.

Он сам оставил её так, когда бросился за ней.

Внутри всё было тихо.

Слишком тихо.

Захар вошёл и закрыл дверь.

Квартира встретила его пустотой, которая ещё час назад казалась невозможной. Всё стояло на местах: светлый диван, чашка на кухне, плед на кресле, её книги на подоконнике, тонкая ваза с сухой веткой. Ничего не изменилось, кроме главного — в этом доме больше не было ожидания.

Лия всегда умела ждать так, что даже воздух в квартире становился тёплым.

Теперь воздух был холодным.

Захар прошёл в гостиную.

Приглашение лежало на столе. Она оставила его раскрытым, как улику.

Он взял плотную бумагу. Золотые буквы неприятно блеснули в утреннем свете.

«Захар Воронцов и Лейла Арсанова...»

Он сжал приглашение так, что край смялся.

Смешно.

Вчера это был просто элемент неизбежной конструкции. Бумага. Формальность. Часть большого хода, который отец называл «единственно разумным». Несколько месяцев переговоров, закрытых встреч, условий, уступок, обещаний.

Лия называла это иначе.

Свадьба.

Предательство.

И, как ни хотел Захар отмахнуться, именно её слова были настоящими.

Он подошёл к спальне.

Шкаф был открыт. Его половина — пустая. На кровати не осталось ни одной рубашки, ни одного ремня, ни одного следа его права находиться здесь. Только слегка примятая ткань покрывала и тонкая тень от створки шкафа.

Чемодан стоял в прихожей.

Она всё-таки оставила его ему.

Захар посмотрел на него и вдруг почувствовал такую ярость, что едва не ударил кулаком в стену. Не потому, что она собрала вещи. А потому, что сделала это аккуратно. Без истерики. Без показной мести. Сложила рубашки, убрала флакон, не разбила чашку, не порвала фотографии, не швырнула его жизнь в подъезд.

Это было хуже крика.

Это было решение.

Он достал телефон и набрал её номер.

Один гудок.

Второй.

Потом сухой голос сообщил, что абонент недоступен.

Захар убрал телефон в карман.

Несколько минут он стоял посреди комнаты, где слишком много лет чувствовал себя дома, но так и не сделал этот дом настоящим для неё.

Потом взял чемодан и вышел.

На улице дождь усилился. Водитель, ждавший у машины, торопливо открыл дверь, но Захар не сел сразу.

— Куда едем? — спросил тот осторожно.

Захар посмотрел на серое небо.

К Лии.

Первым желанием было сказать именно это.

Найди её. Узнай, куда поехала. Подними всех. Позвони тем, кто умеет узнавать адреса быстрее, чем люди успевают до них доехать.

Он мог.

Именно в этом была проблема.

Он всю жизнь мог слишком многое — и слишком редко спрашивал, имеет ли право.

— В дом, — сказал Захар.

Водитель кивнул.

Домом в их семье называли не место, где кто-то был счастлив. Домом называли особняк за высоким каменным забором, где решения принимались раньше, чем люди понимали, что их жизнь уже изменилась.

Машина тронулась.

Захар смотрел в окно, но видел не город. Видел Лию на лестнице.

«Любовь без поступка — это звук, Захар».

Он прикрыл глаза.

Впервые за долгое время ему стало стыдно.

Не неприятно. Не досадно. Не злостно.

Стыдно.

За то, что он называл её своей, но ни разу не привёл в дом. За то, что отец знал о ней, но делал вид, будто она временная слабость. За то, что мать однажды тихо спросила: «Ты счастлив с ней?» — а он ответил: «Не сейчас, мама», хотя хотел сказать: «Да». За то, что Лия восемь лет жила рядом с мужчиной, который умел защищать сделки, людей, фамилию, но не защитил её от унижения.

Машина выехала из центра. Дома стали ниже, улицы шире. За окнами потянулись мокрые деревья, закрытые посёлки, высокие заборы, одинаково дорогие и одинаково безмолвные.

Особняк Воронцовых стоял в конце длинной аллеи.

Серый камень, тёмные окна, строгий фасад без лишней роскоши. Отец не любил показного блеска. Он предпочитал власть, которую не нужно объяснять.

Ворота открылись без задержки.

Захар вышел из машины, не дожидаясь зонта. Дождь ударил по лицу. На ступенях его встретил управляющий — пожилой, выправленный, с лицом человека, который видел слишком много семейных бурь и научился не менять выражения глаз.

— Доброе утро, Захар Андреевич.

— Отец дома?

— В кабинете. Ждёт вас.

Захар усмехнулся.

Конечно, ждёт.

В этом доме никто не спрашивал, почему ты приехал. Здесь обычно уже знали.

Он прошёл через холл.

Мраморный пол отражал холодный свет. Высокие стены, тёмное дерево, тяжёлые картины, лестница с коваными перилами — всё было безупречно. И мёртво.

В детстве Захар думал, что все большие дома такие: тихие, строгие, с запахом полировки и власти. Только позже понял, что в некоторых домах смеются. В некоторых дверями хлопают не от злости, а от спешки. В некоторых на кухнях пьют чай не по расписанию.

У Лии было так.

Тепло.

Живо.

Он сжал челюсть и пошёл к кабинету отца.

Дверь была приоткрыта.

Это тоже было приёмом. Отец любил показывать, что не прячется и не ждёт разрешения.

Захар вошёл без стука.

Андрей Воронцов стоял у окна спиной к двери. Высокий, сухой, седой не по слабости, а как будто по праву возраста и власти. На нём был тёмный костюм, безупречно сидевший на прямой фигуре. В руке — чашка чёрного кофе.

— Ты опоздал, — сказал он, не оборачиваясь.

— Мы не договаривались о встрече.

— В нашей семье не всё требует договорённости.

Захар бросил мокрое пальто на спинку кресла.

Отец наконец повернулся.

Его лицо было спокойным. Даже слишком. Ни раздражения, ни любопытства. Только холодная оценка.

— Выглядишь плохо.

— Утро не задалось.

— Из-за женщины?

Захар почувствовал, как внутри мгновенно вспыхнуло.

— Не называй её так.

Бровь отца едва заметно поднялась.

— Как?

— Так, будто она вещь из списка моих слабостей.

Андрей Воронцов поставил чашку на стол.

— А разве нет?

Тишина стала острой.

Захар сделал шаг вперёд.

— Осторожнее.

Отец посмотрел на него почти с интересом.

— Наконец-то. Я уж думал, тебе всё равно.

— Мне не всё равно.

— Тогда води себя соответственно. Через две недели свадьба. Приглашения разосланы. Семья Арсановых выполнила свою часть условий. Мы — свою. Любые всплески эмоций сейчас недопустимы.

— Я не женюсь на Лейле.

Слова прозвучали глухо, но твёрдо.

Отец молчал секунду.

Потом медленно сел в кресло.

— Повтори.

— Я не женюсь на Лейле.

— Ты сказал это любовнице до или после того, как она устроила тебе сцену?

Захар ударил ладонью по столу.

Чашка дрогнула.

— Я сказал: не называй её так.

Отец даже не моргнул.

— Хорошо. Назовём мягче. Женщина, с которой ты затянул слишком долго. Ошибка, которую ты не исправил вовремя.

— Лия не ошибка.

— Всё, что мешает семье выжить, — ошибка.

Захар тихо рассмеялся. Смех был без радости.

— Семье? Ты называешь это семьёй?

Отец откинулся в кресле.

— А что, по-твоему, семья? Женщина в квартире, куда ты сбегашь, когда устаёшь от реальности?

Захар сжал кулаки.

— Ты ничего о ней не знаешь.

— Знаю достаточно. Ей тридцать один. Родителей нет рядом. Образование хорошее, но без связей. Работала в закрытом бюро по интерьерным проектам, потом ушла на частные заказы. Доход нестабильный, но приличный. Кредитов нет. Судимостей нет. Здоровье, насколько мне известно, нормальное. В твоей жизни восемь лет. В официальной — ни одного дня.

Последняя фраза ударила точно.

Захар смотрел на отца, чувствуя, как холод поднимается от позвоночника к затылку.

— Ты собирал на неё сведения?

— Я собираю сведения обо всём, что может повлиять на моего сына и на фамилию.

— Она не угроза.

— Любая женщина становится угрозой, если мужчина начинает думать сердцем вместо головы.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно.

Захар наклонился над столом.

— Вот поэтому мать почти не смотрит тебе в глаза?

Впервые лицо отца изменилось.

Не сильно. Но достаточно.

— Не переходи границы.

— Границы? — Захар усмехнулся. — Ты всю жизнь чертишь их вокруг других. Может, пора узнать, как это выглядит изнутри?

Андрей Воронцов поднялся.

— Ты сейчас говоришь как мальчишка, у которого забрали игрушку.

— Нет. Я говорю как мужчина, который устал жить по твоим приказам.

— Мужчина? — Отец сделал шаг из-за стола. — Мужчина держит слово. Мужчина понимает цену решений. Мужчина не ставит под удар компанию, людей, активы и обязательства из-за постели.

Захар двинулся к нему так резко, что между ними осталось меньше метра.

— Ещё одно слово о постели — и мы закончим этот разговор иначе.

Отец посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты мне угрожаешь?

— Предупреждаю.

Несколько секунд они молчали.

Два мужчины с одинаковой линией челюсти, одинаковой привычкой не отступать и совершенно разным пониманием силы.

Первым отступил отец — не телом, голосом. Он стал тише.

— Ты знаешь, что стоит на кону?

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты привык видеть верхушку. Переговоры, подписи, встречи. Но есть обязательства глубже. Старые договорённости. Деньги, которые нельзя вынуть без крови. Люди, которые улыбнутся тебе сегодня, а завтра перекроют кислород. Арсановы не просто партнёры. Они удерживают часть того, что ты считаешь незыблемым.

— Я не считаю это незыблемым.

— Потому что не строил с нуля.

Захар замолчал.

Отец умел бить туда, где больно. Его сила была не в крике. Он никогда не повышал голос без необходимости. Он просто вынимал из человека слабое место и клал на стол.

— Я многое построил сам, — сказал Захар.

— Под моей фамилией.

— И что? Теперь я должен расплатиться браком?

— Ты должен укрепить то, что получишь.

— Я не просил.

— Зато пользовался.

Захар отвернулся.

В этом тоже была правда. Он ненавидел зависимость, но не был бедным мальчиком, который пробился сам. Его путь был трудным, но мощёным фамилией Воронцовых. Двери открывались легче. Люди слушали внимательнее. Ошибки прощались быстрее.

Отец дал ему многое.

И всё это теперь выставял счётом.

— Лейла подходит тебе, — продолжил Андрей. — Умна, воспитана, знает правила. Не станет устраивать сцен на лестнице.

Захар медленно повернул голову.

— Ты знаешь и это?

— Мне сообщили, что у дома были... эмоции.

— Ты следишь за мной?

— Я слежу за ситуацией.

— Ситуация — это я?

— Ситуация — это женщина, которая может сорвать договорённости.

— Она ушла.

Отец замолчал.

Ему явно понравились эти слова.

— Вот и хорошо.

Захар почувствовал, как в груди снова поднялась тёмная волна.

— Нет. Не хорошо.

— Через неделю ты будешь благодарен ей за благоразумие.

— Я поеду за ней.

— Не поедешь.

— Ты мне запретишь?

— Я напому тебе, что если ты сейчас сделаешь глупость, последствия будут не только твоими.

Захар посмотрел на него с ненавистной усталостью.

— Ты всю жизнь разговариваешь последствиями.

— Потому что они реальны.

— А люди?

— Люди либо понимают последствия, либо становятся ими.

В кабинет постучали.

Отец раздражённо повернул голову.

— Да?

Дверь открылась, и на пороге появилась мать Захара.

Елена Воронцова вошла тихо, но не робко. В этом доме она давно научилась двигаться так, чтобы не нарушать его тяжёлую геометрию, и всё же при ней воздух менялся. Становился мягче. Теплее.

На ней было светлое платье строгого кроя, волосы убраны. Лицо красивое, но усталое, с той особой неподвижностью женщин, которые годами не позволяют себе лишнего выражения при свидетелях.

— Я помешала? — спросила она.

— Да, — сказал отец.

— Нет, — одновременно произнёс Захар.

Елена посмотрела на сына.

И по её взгляду он понял: она уже всё знает.

Может быть, не детали. Но главное — точно.

— Завтрак подан, — сказала она. — Лейла с отцом приехали раньше.

Захар застыл.

— Они здесь?

Отец взял чашку, будто разговор был исчерпан.

— Разумеется. Нужно обсудить программу церемонии и список гостей.

Захар посмотрел на него.

— Ты вызвал меня сюда не говорить. Ты устроил встречу.

— Я дал тебе возможность вернуться в разумное состояние до того, как ты выйдешь к людям.

— Я не буду обсуждать свадьбу.

— Будешь.

— Андрей, — тихо сказала Елена.

Отец резко посмотрел на неё.

— Не вмешивайся.

Она выдержала его взгляд. Не отвела глаза.

Для Захара это было неожиданно. Мать редко спорила при нём с отцом открыто. Она умела влиять мягко, обходными путями, взглядами, короткими фразами. Но сейчас в её лице было что-то другое.

— Он должен хотя бы поесть, — сказала она.

— Он должен думать.

— Уставшие и злые люди редко думают хорошо.

Отец хотел ответить, но передумал.

— Десять минут, — сказал он Захару. — Потом ты выйдешь к гостям и будешь вести себя достойно.

Захар усмехнулся.

— Твоё достойно — это молча надеть ошейник?

— Моё достойно — это не позорить фамилию.

— Фамилия сама справится. Она тяжёлая.

Он взял пальто со спинки кресла, но мать положила ладонь ему на руку.

— Захар.

Он посмотрел на неё.

В её глазах было столько тревоги, что он остановился.

— Пожалуйста, — сказала она тихо. — Не сейчас. Не в таком состоянии.

— Мам, они здесь из-за свадьбы.

— Я знаю.

— А ты знаешь, где Лия?

Елена чуть побледнела.

Вот теперь он понял: знает больше, чем говорит.

— Нет, — ответила она. — Не знаю.

— Но хотела бы?

Отец резко вмешался:

— Достаточно.

Захар не сводил взгляда с матери.

Елена сжала пальцы.

— Я хотела бы, чтобы никто не страдал больше, чем уже страдает.

Отец холодно усмехнулся:

— Какая удобная фраза. Ни смысла, ни ответственности.

Елена повернулась к нему.

— Ответственность — не всегда заставлять всех жить так, как тебе выгодно.

В кабинете стало тихо.

Захар видел, как отец медленно поставил чашку на стол.

— Мы поговорим позже, Елена.

— Конечно, — сказала она. — Мы всегда говорим позже. Иногда на годы позже.

Она вышла первой.

Захар задержался на секунду, глядя на отца.

— Я не обещаю тебе ничего.

— Ты уже обещал, когда дал согласие на этот брак.

— Я молчал.

— В нашем круге молчание тоже согласие.

Захар горько улыбнулся.

— Вот именно. В этом и проблема.

Он вышел.

В коридоре мать ждала у окна.

За стеклом дождь размывал сад. Голые ветви деревьев тянулись к серому небу, как пальцы.

— Ты был у неё? — спросила Елена тихо.

Захар остановился рядом.

— Да.

— Она знает?

— Приглашение пришло.

Мать закрыла глаза на мгновение.

— Господи.

— Не произноси так, будто это случайность. В этом доме случайностей не бывает.

Елена не стала спорить.

— Она ушла?

— Да.

— С вещами?

— С моими вещами.

На её лице появилась боль.

— Значит, не в истерике.

— Нет.

— Тогда всё серьёзно.

Захар резко выдохнул.

— Для тебя это новость?

Мать посмотрела на него.

— Для тебя, кажется, да.

Он хотел ответить зло, но не смог.

Елена коснулась его рукава.

— Я видела её однажды.

Захар замер.

— Что?

— Два года назад. На выставке. Ты отходил к кому-то, а она стояла у окна. В светлом платье. Очень прямая. И очень одинокая.

— Почему ты не сказала?

— А ты хотел услышать?

Он промолчал.

Мать кивнула, будто ответ был ожидаем.

— Она смотрела на тебя так, как женщины смотрят только на тех, кому уже многое простили.

Захар отвернулся к окну.

Слова легли тяжело.

— Я люблю её, — сказал он глухо.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

— Знаю. Но, Захар, любовь, которую прячут, ранит не меньше ненависти.

Он сжал зубы.

— Все сегодня решили говорить мне правду?

— Возможно, она давно ждала очереди.

Из глубины дома донеслись голоса.

Мужской смех. Спокойный, уверенный. Чужой.

Захар повернулся.

— Арсановы?

— Да.

— Лейла тоже?

— Да.

Он хотел сказать, что уезжает. Сейчас же. Но в этот момент из гостиной вышел управляющий.

— Захар Андреевич, вас ждут.

Мать смотрела на него почти с мольбой.

— Не устраивай войну в холле.

— А где её устраивать? В зале для церемоний?

— Если решишь воевать, сначала пойми, за что готов заплатить.

Эта фраза остановила его сильнее, чем все угрозы отца.

Захар медленно кивнул и пошёл в сторону столовой.

Столовая Воронцовых была слишком большой для семьи, которая почти никогда не ела вместе. Длинный стол, тяжёлая люстра, серебристо-серые стены, высокие окна в сад. Всё идеально сервировано.

У стола стояли трое.

Отец Лейлы — Рашид Арсанов — крупный мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми бровями и мягкой улыбкой человека, привыкшего скрывать жёсткость под доброжелательностью. Рядом с ним — Лейла.

Захар видел её несколько раз до этого. На переговорах, ужинах, семейных встречах. Красивая. Темноволосая. Безупречно спокойная. В ней было что-то от дорогого холодного камня: гладкая поверхность, глубина, прочность.

Сегодня на ней был светлый костюм. Никаких лишних украшений. Только тонкие серьги и кольцо на правой руке.

Она повернулась к Захару.

И сразу всё поняла.

Не по словам. По лицу.

Её взгляд задержался на его мокрых волосах, на небрежно застёгнутой рубашке, на сжатой челюсти.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — ответил Захар.

Рашид Арсанов широко улыбнулся.

— Вот и жених. Андрей, ты говорил, что он занят, а он просто решил добавить драматизма.

Отец Захара вошёл следом.

— Утро выдалось насыщенным.

— Перед свадьбой иначе не бывает, — сказал Рашид. — Нервы, списки, родственники, пресса... хорошо, что мы всё держим закрыто.

Захар сел, не дожидаясь приглашения.

— Прессы не будет.

Рашид чуть прищурился.

— Конечно. Только свои люди. Но свои люди иногда говорят громче чужих.

Лейла села напротив Захара.

Она не улыбалась.

— Вам плохо? — спросила она вдруг.

Вопрос прозвучал спокойно, почти вежливо. Но в нём было что-то лишённое игры.

Захар посмотрел на неё.

— Нет.

— Жаль. Тогда нет оправдания вашему виду.

Рашид коротко рассмеялся.

— Дочь у меня острая. Придётся привыкать.

Захар не ответил.

Отец сел во главе стола.

— Начнём с программы. Церемония в шесть. Ужин в семь тридцать. Список гостей согласован, но есть несколько фамилий, которые я хотел бы добавить.

— Мои люди передадут обновлённую рассадку, — сказал Рашид. — И ещё вопрос по брачному договору. Мелкая правка.

Слово ударило Захара почти физически.

Брачный договор.

Программа.

Рассадка.

Они говорили о его жизни так, как о реконструкции зала.

Он посмотрел на Лейлу.

Она слушала отцов, слегка наклонив голову. Вежливая, спокойная. Но пальцы на чашке были напряжены.

Значит, не только ему противно.

— Лейла, — сказал Захар.

Разговор оборвался.

Отец Захара посмотрел на него предупреждающе.

Лейла подняла глаза.

— Да?

— Вы хотите этого брака?

Рашид Арсанов перестал улыбаться.

— Захар, вопрос неуместен.

— Я спросил не вас.

Лейла поставила чашку на блюдце.

Звук был очень тихим.

— А вы?

— Нет.

В столовой стало мёртво тихо.

Елена, только что вошедшая в дверях, остановилась.

Отец Захара медленно повернул голову к сыну.

— Захар.

— Я отвечаю честно.

Рашид откинулся на спинку стула.

— Интересное утро.

Лейла смотрела на Захара без удивления.

— Из-за неё? — спросила она.

Отец Захара резко произнёс:

— Лейла, это личные сложности, которые будут улажены.

— Значит, она есть, — сказала Лейла.

Захар не отвёл взгляда.

— Есть.

— Давно?

— Восемь лет.

У Рашида дрогнули брови. Отец Захара побелел от ярости, но промолчал. Елена тихо опустилась на стул у края стола.

Лейла медленно кивнула.

— Восемь лет, — повторила она. — И вы решили сообщить мне об этом после рассылки приглашений?

— Я не решил. Я слишком долго не решал вообще ничего.

В её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или горечь.

— Она знает о свадьбе?

— Да.

— От вас?

Захар молчал.

Лейла поняла.

— Понятно.

Рашид наклонился вперёд.

— Молодые люди, давайте отделим эмоции от договорённостей. В нашем мире у мужчин бывают истории. У женщин тоже бывают сомнения. Это не повод разрушать союз, который готовился не один месяц.

Лейла медленно повернулась к отцу.

— Истории?

— Не цепляйся к словам.

— Восемь лет — это история?

— Это прошлое, если Захар достаточно разумен.

Захар усмехнулся.

— Она не прошлое.

Отец ударил ладонью по столу.

— Хватит.

Все замолчали.

Андрей Воронцов говорил тихо, но в голосе была сталь.

— Здесь сидят семьи, которые дали друг другу слово. Не подростки, не мечтатели, не герои дешёвых романов. У каждого из нас есть обязательства. Захар, твои личные отношения будут решены отдельно. Лейла, ты умная женщина и понимаешь, что брак в нашем круге не строится на юношеских иллюзиях. Рашид, прошу прощения за эту сцену. Она не повторится.

Лейла поднялась.

— Повторится.

Отец Захара медленно повернулся к ней.

— Что вы сказали?

— Сцена повторится. Может быть, не за этим столом. Может быть, на церемонии. Может быть, позже, когда я буду стоять рядом с мужчиной, который в этот момент думает о другой женщине. Но она повторится, потому что вы пытаетесь положить живых людей в документы, а они почему-то сопротивляются.

Рашид нахмурился.

— Лейла.

— Нет, отец. Я хочу услышать ответ. — Она посмотрела на Захара. — Вы любите её?

Захар встал.

— Да.

Слово вышло без колебаний.

Поздно. Глупо. Недостаточно. Но впервые в этом доме — вслух.

Елена закрыла глаза.

Отец Захара сжал подлокотник кресла так, что побелели пальцы.

Лейла усмехнулась одними губами.

— Как неудобно.

— Для кого? — спросил Захар.

— Для всех. Для меня — потому что я не хочу быть женщиной, которую выбирают из-за удобства. Для вас — потому что вы не хотите признать, что уже сделали выбор, просто не оплатили его цену. Для наших отцов — потому что они привыкли считать, что цена всегда платится чужими жизнями.

Рашид резко поднялся.

— Достаточно.

Лейла не дрогнула.

— Я не отказываюсь от разговора. Я отказываюсь от притворства.

Отец Захара холодно произнёс:

— Вы понимаете последствия своих слов?

Она посмотрела на него спокойно.

— У меня хорошие учителя. Вы все только о последствиях и говорите.

Захар впервые за всё утро почувствовал не злость, а странное, тяжёлое облегчение.

Лейла не была врагом.

Не совсем.

Она была такой же фигурой на доске, только более честной в своей клетке.

Рашид подошёл к дочери.

— Мы выйдем.

— Нет, — сказал Андрей Воронцов. — Мы продолжим.

— Продолжать нечего, — ответил Рашид. — Ваш сын пришёл на семейный завтрак после ночи у другой женщины и заявил, что не хочет брака. Моя дочь устроила философский диспут о свободе. Прекрасное начало союза. Нам нужно остыть.

Он повернулся к Захару.

— Молодой человек, я ценю прямоту, но не люблю, когда меня ставят в неудобное положение. Подумайте очень хорошо. Потому что если этот брак сорвётся, последствия будут не красивыми. Ни для вашей семьи. Ни для женщины, которую вы так трогательно любите.

Захар сделал шаг к нему.

— Её не трогать.

Рашид улыбнулся. На этот раз без тепла.

— Вот. Уже интереснее. Значит, слабое место найдено.

— Я сказал: её не трогать.

— А я услышал. Именно поэтому советую не создавать причин.

Лейла резко посмотрела на отца.

— Не надо.

— Молчи.

— Нет. Вы не будете угрожать женщине, которая вообще не сидит за этим столом.

Рашид медленно повернулся к ней.

— Ты забываешься.

— Возможно. Но мне нравится это ощущение.

Отец Захара встал.

— На сегодня всё. Мы свяжемся позже.

Рашид кивнул.

— Разумеется. Когда ваш сын вспомнит, кем является.

Захар ответил прежде, чем отец успел вмешаться:

— Я как раз начинаю вспоминать.

Рашид задержал на нём взгляд, затем развернулся и пошёл к выходу.

Лейла осталась на секунду.

Она посмотрела на Захара.

— Её зовут Лия?

Он напрягся.

— Да.

— Она красивая?

Вопрос был неожиданно похож на тот, что утром задала сама Лия. Только в голосе Лейлы не было ревности. Скорее усталое любопытство.

Захар ответил тихо:

— Очень.

Лейла кивнула.

— Значит, ей больно вдвойне.

— Почему?

— Потому что красивым женщинам часто говорят, что им всё достаётся легко. А потом они годами ждут там, где их не выбирают, и никто не верит, что это тоже унижение.

Захар не нашёлся с ответом.

Лейла поправила манжет.

— Я не хочу быть вашей женой, Захар.

Он посмотрел ей в глаза.

— Я тоже не хочу быть вашим мужем.

— Прекрасно. Хотя в чём-то мы совпали.

На мгновение в её голосе появилась живая ирония.

Потом она стала серьёзной.

— Но наши отцы так просто не отступят.

— Я знаю.

— Нет. Пока не знаете. Вы только сегодня начали злиться. Они злые всю жизнь.

Она пошла к двери, но остановилась.

— И ещё. Если вы любите её, не делайте вид, что защищаете, пока просто боитесь потерять своё. Это разные вещи.

Захар замер.

Лейла вышла.

Когда шаги гостей стихли, в столовой остались трое.

Отец, мать и сын.

Андрей Воронцов медленно подошёл к окну. Спина у него была прямая, но Захар видел: отец взбешён. Не вспыхливо, не шумно. Глубоко.

— Ты понимаешь, что сейчас сделал? — спросил он.

— Да.

— Нет. Понимание придёт позже, когда начнут рушиться контракты, когда люди, которым ты жал руку, перестанут брать трубку, когда твоё имя станут произносить с насмешкой.

— Моё имя или твоё?

Отец повернулся.

— Всё, что у тебя есть, связано с моим.

— Тогда пора разделить.

Елена тихо сказала:

— Захар...

Он посмотрел на неё.

— Нет, мам. Хватит.

Отец усмехнулся.

— Громкие слова после одной утренней ссоры с любовницей.

Захар сделал шаг вперёд.

— Последний раз предупреждаю.

— И что ты сделаешь? Ударишь отца?

— Нет. Я уйду из того, что ты называешь семьёй.

Отец посмотрел на него долго.

Потом рассмеялся. Тихо, почти с сожалением.

— Уйдёшь? Куда? В квартиру к женщине, которая тебя выгнала? На какие деньги будешь воевать? На какие связи опираться? Ты думаешь, любовь выдерживает пустые счета, закрытые двери и давление людей, которые улыбаются перед тем, как ломают?

— Я выдержу.

— Ты? Возможно. А она?

Эти слова попали в цель.

Захар застыл.

Отец заметил и нажал сильнее.

— Ты хочешь сделать её мишенью? Сейчас она всего лишь неприятная деталь. Уйдёт — и забудется. Но если ты сорвёшь брак, если объявишь войну, если поставишь её имя рядом со своим — её начнут рассматривать. Обсуждать. Искать слабости. Давить. Ты готов к этому? Или опять скажешь ей потом: “Всё не так просто”?

Захар молчал.

Он ненавидел отца за эти слова.

И ненавидел ещё сильнее за то, что в них снова была часть правды.

Лия не знала их мира. Вернее, знала только его тень. Она видела закрытые двери, внезапные отъезды, сухие звонки, молчание Захара после встреч с отцом. Но она не знала, как быстро люди вроде Андрея Воронцова могли превратить чужую жизнь в поле давления.

Захар мог бросить вызов.

Но сможет ли защитить её?

И имел ли право втягивать её, если сам восемь лет не пускал внутрь?

— Вот теперь ты думаешь, — сказал отец. — Наконец.

Захар поднял глаза.

— Я думаю, как защитить её от тебя.

Лицо Андрея стало каменным.

— Осторожнее, сын.

— Ты сам сделал себя угрозой.

— Я делаю то, что должен.

— Нет. Ты делаешь то, что умеешь: контролируешь.

Отец подошёл ближе.

— Контроль — единственное, что удерживает мир от распада.

— Тогда мой уже распался.

Елена встала.

— Прошу вас обоих, хватит.

Отец не смотрел на неё.

— У тебя сутки, Захар. Приведи себя в порядок. Завтра мы с Арсановыми обсудим дальнейшие шаги. Ты принесёшь извинения Лейле.

— Нет.

— Да. И свадьба состоится.

Захар тихо спросил:

— А если нет?

Отец улыбнулся.

Вот теперь по-настоящему страшно.

— Тогда я перестану считать твою Лию невидимой.

Елена резко вдохнула.

Захар не двинулся. Только глаза потемнели так, что мать побледнела.

— Повтори, — сказал он.

— Ты всё услышал.

— Если ты тронешь её...

— Что? — Отец наклонил голову. — Ты уйдёшь? Ударишь? Откажешься от фамилии? Попробуй. Но помни: у каждого человека есть прошлое, работа, жильё, документы, слабые места, близкие люди. Я не угрожаю. Я объясняю устройство мира.

Захар медленно кивнул.

— Спасибо.

Отец прищурился.

— За что?

— За то, что наконец сказал вслух, кто ты.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Захар! — позвала мать.

Он остановился, но не обернулся.

— Не сейчас.

— Сын...

В её голосе было столько боли, что он всё-таки повернулся.

Елена стояла у стола, сжав ладони. В этот момент она казалась не хозяйкой особняка, не женой Воронцова, а женщиной, которая слишком много лет смотрела, как мужчины её семьи превращают любовь в переговоры.

— Не повтори мою ошибку, — сказала она тихо.

Отец резко повернулся к ней.

— Елена.

Она не посмотрела на него.

— Не жди, пока станет поздно настолько, что останется только удобная жизнь и пустые комнаты.

Захар смотрел на мать и впервые видел в ней не слабость.

А предупреждение.

Он кивнул.

— Я постараюсь.

— Нет, — сказала она. — Не постарайся. Сделай.

Эти слова он забрал с собой.

В холле управляющий подал ему пальто. Захар надел его, вышел на крыльцо и остановился под холодным дождём.

Телефон в кармане завибрировал.

На мгновение сердце дёрнулось.

Лия?

Он достал.

Нет.

Сообщение от неизвестного номера.

«Если хотите знать, где она, скажите. Но подумайте, зачем вам это нужно: вернуть её или снова спрятать?»

Захар смотрел на экран, чувствуя, как кровь стучит в висках.

Номер был незнаком.

Но он почти сразу понял, от кого сообщение.

Ольга.

Подруга Лии.

Та самая, которая никогда не любила его по-настоящему и смотрела так, будто видела насквозь.

Он набрал ответ.

Пальцы зависли над экраном.

«Где она?»

Слишком просто.

Слишком похоже на прежнего его.

Он стёр.

Набрал снова:

«С ней всё в порядке?»

Отправил.

Ответ пришёл через минуту.

«Пока да. Не приезжайте. Ей нужно дышать».

Захар закрыл глаза.

Дышать.

Он вспомнил, как Лия стояла на пороге и говорила: «Я больше не хочу быть женщиной, которую любят в темноте».

Он не знал, как исправить восемь лет.

Не знал, как остановить свадьбу, не превратив её жизнь в мишень.

Не знал, как воевать с отцом и не стать таким же.

Но впервые за долгое время он точно знал одно: Лию нельзя было больше возвращать силой.

Если он придёт к ней прежним — потеряет окончательно.

Водитель открыл дверь машины.

— Куда теперь, Захар Андреевич?

Захар посмотрел на особняк.

На окна кабинета, за одним из которых отец, вероятно, уже отдавал распоряжения.

На дом, где решали судьбы и называли это заботой.

Потом на телефон, где светилось короткое сообщение от женщины, которая охраняла Лию от него самого.

— В офис, — сказал он.

— Да, Захар Андреевич.

Он сел в машину.

Но прежде чем дверь закрылась, написал ещё одно сообщение Ольге.

«Передайте ей: я не приеду без её согласия. И скажите, что я услышал».

Он долго смотрел на отправленные слова.

Ответа не было.

Машина выехала за ворота.

Захар не знал, передаст ли Ольга сообщение. Не знал, поверит ли Лия. Скорее всего — нет. Он сам бы себе не поверил.

Но где-то в глубине, под злостью, стыдом и страхом, появилось странное, почти болезненное чувство.

Не надежда.

Нет.

До надежды было слишком далеко.

Скорее первое честное понимание цены.

Если он хотел вернуть Лию, ему предстояло потерять не её.

Сначала ему предстояло потерять себя прежнего.

Глава 3. Две полоски

Ольга открыла дверь на третьем звонке.

Не спросила, почему Лия стоит на пороге в половине десятого утра с бледным лицом, мокрыми волосами и сумкой, в которую явно бросали вещи вслепую. Не ахнула. Не сказала: «Что случилось?» — хотя вопрос висел в воздухе, как нож.

Она просто отступила в сторону и произнесла:

— Заходи.

И это «заходи» вдруг оказалось последней ниткой, за которую Лия держалась.

В чужой прихожей, пахнувшей свежим хлебом, кофе и домашним теплом, она почувствовала, что больше не может стоять прямо. Ноги дрогнули. Плечи, до этого словно скреплённые железом, опустились.

Ольга успела подхватить её за локоть.

— Тихо. Всё. Ты у меня.

Лия кивнула, но сказать ничего не смогла.

Горло сжалось так, будто каждое слово могло сорваться плачем, а плакать она не хотела. Не сейчас. Не у двери. Не в пальто. Не так, чтобы Ольга, которая знала её с университета, увидела в ней не женщину, принявшую решение, а разбитую девочку.

— Разувайся, — мягко сказала Ольга. — Пальто сюда. Сумку мне.

Лия послушалась.

В квартире было тепло. Слишком тепло после ледяной улицы и того холодного утра, которое осталось за спиной вместе с Захаром, его чемоданом и приглашением на чужую свадьбу.

Ольга жила одна, в небольшой квартире на пятом этаже старого дома. Здесь не было дорогого блеска, тяжёлых штор, безупречного камня и мебели, которую выбирали не для жизни, а для впечатления. Зато на кухне стояли горшки с зеленью, на подоконнике лежала раскрытая книга, а на спинке стула висел мягкий плед.

Всё было настоящим.

От этого Лии стало ещё больнее.

— На кухню, — скомандовала Ольга. — Садись. Я налью чай.

— Не надо, — выдохнула Лия.

Голос прозвучал хрипло, чужо.

— Надо. Я не спрашивала.

Ольга была невысокой, с короткими тёмными волосами и внимательными серыми глазами. Она редко говорила лишнее, но если уж говорила, спорить с ней было трудно. Лия всегда удивлялась, как в такой небольшой женщине помещается столько спокойной силы.

Она села за стол.

На скатерти были мелкие синие цветы. В вазе — три жёлтых яблока. Обычные детали чужого утра. Лия смотрела на них и вдруг подумала, что мир не рухнул.

Это было почти оскорбительно.

Где-то люди резали хлеб, поливали цветы, слушали дождь. Где-то мужчины не женились на других женщинах после восьми лет любви. Где-то женщины не собирали их вещи в чемодан, стараясь не умереть от каждого сложенного рукава.

Ольга поставила перед ней чашку.

— Пей.

Лия обхватила чашку ладонями. Тепло обожгло пальцы.

— Он женится, — сказала она.

Ольга не переспросила.

Только медленно села напротив.

— Я знаю.

Лия подняла глаза.

— Что?

— Не про свадьбу. Про то, что что-то случится. Я знала.

— Как?

Ольга посмотрела на неё с усталой нежностью.

— Лия, мужчина, который восемь лет держит женщину в тени, однажды обязательно объяснит это обстоятельствами. Вопрос был только в том, какие именно обстоятельства он выберет.

Лия закрыла глаза.

Больно было даже не от слов. От того, что Ольга не удивилась.

Значит, это видели все.

Все, кроме неё.

— Мне пришло приглашение, — сказала Лия. — Красивое. Дорогое. На плотной бумаге. «Захар Воронцов и Лейла Арсанова имеют честь...»

Она запнулась.

Слова вдруг стали невозможными.

Ольга сжала её руку через стол.

— Дыши.

— Я дышу.

— Нет. Ты держись. Это не одно и то же.

Лия попыталась вдохнуть глубже. Воздух вошёл с болью.

— Он пришёл утром. Я собрала его вещи. Он... — Она усмехнулась, но усмешка сломалась. — Он сказал, что не отпустит меня.

— Конечно.

— Не «я отменю свадьбу». Не «прости». Не «я всё разрушу, если надо». Нет. «Ты никуда не уйдёшь».

Ольга побледнела от злости.

— Он тебя удерживал?

— Нет. Не так. Он не сделал мне больно.

— Иногда больно делают не руками.

Лия отвернулась к окну.

За стеклом дождь стекал по мутным дорожкам. Во дворе мокла детская площадка. Качели слегка раскачивались от ветра, будто кто-то только что ушёл.

— Я сказала ему отменить свадьбу, — тихо произнесла Лия. — Он промолчал.

Ольга не стала ничего говорить.

И это молчание было правильным.

Лия вдруг почувствовала, как внутри поднимается волна — горячая, горькая, неудержимая. Она пыталась сдержать её всю ночь, всю дорогу, всё время у двери. Но теперь сил не осталось.

— Я ведь ждала, — сказала она, и голос дрогнул. — Господи, Оля, как же я ждала. Не кольца, не праздника, не белого платья. Я ждала одного: чтобы он однажды сказал обо мне вслух. Просто сказал. «Это Лия. Она со мной». И всё. Мне казалось, я не прошу многого.

— Ты и не просила многого.

— А он дал это другой.

Слёзы наконец сорвались.

Лия накрыла лицо ладонями. Плакала тихо, без всхлипов, как плачут женщины, которым долго нельзя было распасться на части. Ольга поднялась, подошла, обняла её за плечи.

— Всё, — шепнула она. — Плачь. Здесь можно.

Эти слова добили окончательно.

Здесь можно.

Значит, где-то нельзя.

С Захаром часто было нельзя. Нельзя давить. Нельзя спрашивать не вовремя. Нельзя приезжать туда, куда её не звали. Нельзя оставлять помаду в его машине. Нельзя звонить, когда он у отца. Нельзя быть слишком заметной.

Она сама соглашалась.

Каждый раз по чуть-чуть.

И теперь, когда наконец сказала «нет», в груди осталась пустая комната, где восемь лет жила надежда.

Плакала она долго.

Потом наступила странная тишина. Лия вытерла лицо салфеткой, сделала глоток остывшего чая и вдруг почувствовала резкую тошноту.

Её скрутило так неожиданно, что она едва успела отставить чашку.

— Лия?

Она вскочила и бросилась в ванную.

Всё произошло быстро и унижительно. Тело словно решило окончательно предать её — после бессонной ночи, слёз, холода, разговора с Захаром. Лия стояла, вцепившись пальцами в край раковины, и пыталась отдышаться.

Ольга принесла воду.

— Прополощи рот.

Лия послушалась.

— Нервы, — сказала она, не глядя в зеркало.

Ольга молчала.

Лия подняла глаза и увидела в отражении её лицо.

Слишком внимательное.

— Что? — спросила Лия.

— Ничего.

— Оля.

— Когда ты в последний раз нормально ела?

— Не помню.

— А спала?

— Тоже.

— Тогда может быть и нервы.

Лия медленно повернулась.

— Почему ты говоришь «может быть»?

Ольга прислонилась плечом к дверному косяку.

— Потому что ты уже две недели жаловалась на запахи.

— Я не жаловалась.

— Жалобой считается фраза «убери эти духи, у меня от них голова раскалывается», сказанная человеку, который духами не пользовался.

Лия нахмурилась.

— Это было один раз.

— Три.

— Оля.

— И ты отказалась от кофе в прошлый четверг.

— Я просто не хотела.

— Ты? Не хотела кофе?

Лия хотела ответить резко, но слова застряли.

В памяти вдруг всплыли мелочи, на которые она не обращала внимания.

Утреннее головокружение, которое она списала на усталость. Странная тяжесть в груди. Сонливость среди дня. Тошнота от жареного лука, хотя раньше она спокойно готовила. И ещё...

Она замерла.

Ольга заметила.

— Лия?

Нет.

Невозможно.

Она машинально посчитала дни.

Один раз.

Потом снова, уже внимательнее.

Дата всплыла в голове с холодной точностью.

Она должна была начаться почти неделю назад.

Неделю.

Лия медленно опустилась на край ванны.

— Нет, — прошептала она.

Ольга присела перед ней.

— Ты задержку считала?

— Нет.

— А теперь?

Лия смотрела перед собой.

Ванная комната Ольги была маленькой, с голубой плиткой и старым зеркалом. На полке стояли кремы, расчёска, пузырёк с лекарством. Всё было таким обычным, что мысль, появившаяся в голове, казалась слишком огромной для этого тесного пространства.

— Это стресс, — сказала Лия.

— Может быть.

— После такого... Конечно, стресс.

— Может быть, — повторила Ольга.

Лия вскинула на неё глаза.

— Перестань.

— Хорошо. Но лучше проверить.

— Сейчас?

— А когда? Через месяц, когда ты успеешь сойти с ума?

Лия закрыла лицо руками.

Беременность.

Слово было таким невозможным, что не помещалось внутри.

Ребёнок.

Захара.

Нет.

Нет, только не сейчас.

Не в день, когда она ушла.

Не после приглашения.

Не когда он собирается жениться на другой.

Сердце забилося так сильно, что стало трудно дышать.

Ольга мягко сказала:

— Я схожу.

— Куда?

— В аптеку.

— Не надо.

— Надо.

— Оля, я не могу.

— Ты не обязана мочь одна. Я рядом.

Лия подняла на неё глаза. И снова почти расплакалась — уже не от боли, а от благодарности, которая тоже была невыносимой.

— Если это правда...

— Тогда будем думать.

— Я не готова.

— К таким вещам никто не бывает готов по расписанию.

Лия тихо рассмеялась.

— Особенно когда отец ребёнка собирается жениться на Лейле Арсановой.

Ольга помрачнела.

— Вот имя соперницы мне уже не нравится.

— Она, наверное, идеальная.

— И пусть. Идеальность плохо греет ночью.

Лия опустила руку на живот.

Живот был плоским, обычным. Ничего не изменилось. Никаких знаков. Никакого внутреннего сияния, о котором пишут женщины, узнавшие счастливую новость.

Только страх.

И странное, очень тихое дрожание где-то глубоко внутри.

— Я сама схожу, — сказала Лия.

— С ума сошла?

— Мне нужно выйти. Если я останусь здесь и буду ждать, я не выдержу.

Ольга изучила её взглядом.

— Хорошо. Но я с тобой.

— Я хочу одна.

— А я хочу, чтобы мужчины не были трусами, но желания не всегда исполняются. Собирайся.

Через десять минут они вышли из дома.

Дождь почти прекратился, но воздух был мокрым и холодным. Лия шла рядом с Ольгой, запахнув пальто, и старалась не думать. Считала шаги. Разглядывала лужи. Смотрела, как прохожие обходят мокрые участки тротуара.

У ближайшей аптеки она остановилась.

— Я не могу зайти.

Ольга посмотрела на неё спокойно.

— Можешь.

— У меня руки дрожат.

— Тогда я куплю.

— Нет. Я должна сама.

Почему — Лия не знала. Может быть, потому что за последние сутки слишком многое случилось с ней без её участия. Приглашение пришло без её согласия. Свадьбу назначили без её имени. Судьбу Захара обсуждали без неё. Даже уход получился не победой, а попыткой выжить.

Но это — если это правда — касалось её тела.

Её жизни.

И здесь она должна была войти сама.

В аптеке пахло лекарствами, чистотой и бумажными пакетами. За стойкой женщина в белом халате подняла глаза.

— Что вам?

Лия открыла рот и не смогла произнести.

Ольга стояла чуть позади, не вмешиваясь.

Лия сжала пальцы на ремешке сумки.

— Тест, пожалуйста.

— Какой?

Какой.

Будто у неё могли быть предпочтения.

— Несколько, — сказала Лия. — Разных.

Женщина достала три коробки, положила на стойку. Лия оплатила, взяла пакет и вышла так быстро, будто совершила преступление.

На улице её снова затошнило, но она удержалась.

Ольга молча протянула воду.

— Спасибо.

— Пойдём домой.

Обратная дорога казалась длиннее.

В квартире Ольга поставила пакет на стол и сказала:

— Я буду на кухне. Если хочешь — позови. Если не хочешь — я не войду.

Лия кивнула.

Потом взяла пакет и ушла в ванную.

Дверь закрылась.

Тишина стала густой.

Лия достала коробку. Руки действительно дрожали. Она прочитала инструкцию дважды, хотя смысл был прост. Потом сделала всё, как нужно, и положила тест на край раковины.

Одна минута.

Две.

Она отвернулась.

Не могла смотреть.

Вместо этого уставилась на плитку, на тонкую трещинку возле зеркала, на каплю воды у крана. В голове почему-то всплыл Захар — не сегодняшний, не злой и растерянный, а другой.

Тот вечер в начале осени, когда он приехал поздно и впервые за долгое время смеялся. Настояще, хрипло, уткнувшись ей в плечо. Они тогда готовили ужин, испортили соус, ели почти сырые овощи и хлеб, сидя на полу у дивана. Захар смотрел на неё так, будто кроме этой квартиры не существовало ничего.

— Если бы у нас был ребёнок, — сказала она тогда случайно, даже не всерьёз, — он бы точно не ел твой соус.

Захар замолчал.

Лия сразу пожалела о фразе. Темы детей он обходил так же, как темы брака: не грубо, но ловко. Однако тогда он вдруг положил ладонь ей на живот и сказал:

— У нас была бы девочка.

— Почему девочка?

— Потому что я бы сошёл с ума от страха за неё. Значит, точно девочка.

Лия рассмеялась.

— Ты и за мальчика сошёл бы с ума.

— Нет. Мальчика я научил бы драться.

— А девочку?

Он посмотрел на неё странно — мягко, почти беззащитно.

— Девочку я бы учил не прощать таких, как я.

Тогда она не поняла, почему он это сказал.

Теперь поняла.

Лия медленно повернулась к раковине.

На тесте были две полоски.

Одна яркая.

Вторая чуть бледнее, но отчётливая.

Она смотрела на них так долго, что мир потерял звук.

Две полоски.

Два тонких следа, перечеркнувших всё, что она ещё пыталась удержать в голове: уход, боль, свадьбу, отца Захара, Лейлу, квартиру, чемодан.

Две полоски.

Внутри неё был ребёнок.

Она схватила второй тест.

Потом третий.

Каждый раз ожидание казалось вечностью. Каждый раз она надеялась, что первый ошибся. Что второй покажет иначе. Что третий вернёт ей прежнюю жизнь, в которой она просто женщина, ушедшая от предателя, а не будущая мать ребёнка, который уже принадлежит не только её боли.

Но все три показали одно и то же.

Лия села на пол.

Спиной к ванной.

Пакет упал рядом. Инструкции рассыпались по плитке.

Она не плакала.

Слёз не было.

Был только холодный, оглушительный страх.

И под ним — что-то другое. Настолько нежное, что Лия испугалась ещё сильнее.

Она положила ладонь на живот.

— Нет, — прошептала она, сама не зная, кому говорит. — Нет, маленький... не сейчас.

Слово вырвалось само.

Маленький.

Она закрыла глаза.

В груди что-то дрогнуло. Боль не исчезла, но рядом с ней появилась новая точка — крошечная, живая, невозможная. Не радость. Пока нет. Радость была слишком далеко, за страхом, унижением и усталостью.

Но жизнь уже была.

И она была внутри неё.

В дверь осторожно постучали.

— Лия?

Она молчала.

— Я войду?

Лия не ответила, но Ольга всё равно поняла. Дверь приоткрылась.

Ольга увидела её на полу, увидела тесты на раковине, инструкции, белое лицо — и не стала задавать глупых вопросов.

Она вошла, села рядом прямо на плитку и обняла Лию за плечи.

— Положительные? — тихо спросила она.

Лия кивнула.

— Все?

Снова кивок.

Ольга выдохнула.

— Так.

Это «так» прозвучало как начало войны.

Лия уткнулась лбом ей в плечо.

— Что мне делать?

— Сначала дышать.

— Я не могу.

— Можешь. Вдох. Смотри на меня. Вдох.

Лия послушалась. Воздух входил неровно, но входил.

— А теперь слушай, — сказала Ольга. — Сегодня ты ничего не решаешь окончательно. Ни про него, ни про ребёнка, ни про жизнь. Сегодня ты ешь, спишь и записываешься к врачу. Всё.

— К врачу...

— Да.

— А Захар?

Ольга напряглась.

— Что Захар?

— Он должен знать?

— Когда ты будешь готова. Не когда он потребует.

Лия закрыла глаза.

Захар.

Если он узнает...

Перед глазами вспыхнуло его лицо в дверях. Тёмные глаза, мокрые волосы, сжатая челюсть.

«Ты никуда не уйдёшь».

А потом — другое.

«Это мой ребёнок».

Она ещё не слышала этих слов, но уже знала, как он их скажет. Не потому, что не любит. Потому что привык, что всё важное должно принадлежать ему. Женщина. Дом. Решение. Будущее.

Ребёнок.

Лия резко отстранилась.

— Нет.

— Что?

— Он не узнает сейчас.

Ольга смотрела внимательно.

— Хорошо.

— Ты не понимаешь. Если он узнает, всё изменится. Он не отпустит меня. И его отец...
— Лия замолчала.

Ольга сжала губы.

— Его отец знает о тебе?

— Конечно. Там знают всё.

— Тогда беременность нельзя обсуждать ни с кем.

— Я не собираюсь.

— Даже с ним.

Лия поднялась с пола, держась за край ванны.

— Особенно с ним.

Ей вдруг стало ясно.

Почти пугающе ясно.

Пока Захар не отменил свадьбу, пока не выбрал её открыто, пока не перестал быть сыном своего отца больше, чем мужчиной, которого она любила, — ребёнок не должен стать ещё одной нитью, за которую её потянут обратно.

Не должен стать наследником в чужих расчётах.

Не должен стать доказательством, оружием, аргументом, позором, поводом для сделки.

Это был её ребёнок.

И он уже нуждался в защите.

Лия подошла к раковине и собрала тесты. Хотела выбросить, но рука не поднялась. Она завернула их в бумажное полотенце и положила в карман халата, который Ольга дала ей утром.

Ольга заметила, но ничего не сказала.

— Я сварю тебе кашу, — произнесла она.

— Меня тошнит.

— Значит, сварю что-то без запаха. Еда теперь не обсуждается.

— Ты звучишь как командир.

— А ты выглядишь как человек, которому срочно нужен командир.

Лия попыталась улыбнуться.

Не получилось.

Они вернулись на кухню.

Ольга двигалась тихо и уверенно: доставала кастрюлю, крупу, соль, ставила воду. Лия сидела за столом и смотрела в одну точку.

Через несколько минут телефон Ольги завибрировал.

Та взглянула на экран и нахмурилась.

— Кто? — спросила Лия.

— Незнакомый номер.

Ольга открыла сообщение. Прочитала. Лицо её стало жёстким.

— Это он? — Лия сразу поняла.

— Да.

— Что пишет?

Ольга не ответила.

— Оля.

Она протянула телефон.

На экране было:

«Если хотите знать, где она, скажите. Но подумайте, зачем вам это нужно: вернуть её или снова спрятать?»

Лия перечитала дважды.

— Ты ему написала?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы остановить до того, как он начнёт искать тебя своими способами.

Лия побледнела.

Она знала: мог бы.

Захар был не из тех, кто терпел неизвестность. Он привык получать ответы. Адреса. Данные. Возможности. Если бы захотел, нашёл бы её быстро. Слишком быстро.

— Он ответил?

Ольга кивнула и показала следующее сообщение.

«С ней всё в порядке?»

Лия застыла.

Всего четыре слова.

Не «где она». Не «передай, пусть ответит». Не «я приеду».

«С ней всё в порядке?»

В груди болезненно дрогнуло.

Нельзя.

Нельзя размягчаться от первой человеческой фразы после восьми лет нечеловеческого терпения.

— Что ты написала? — спросила она.

— Что пока да. И чтобы не приезжал. Ей нужно дышать.

Лия закрыла глаза.

— Спасибо.

Телефон снова завибрировал.

Ольга прочитала вслух:

— «Передайте ей: я не приеду без её согласия. И скажите, что я услышал».

Лия не сразу поняла, что с ней происходит.

Сначала стало легче.

Потом больше.

«Я услышал».

Поздно, Захар.

Так поздно.

Но какая-то часть её, самая глупая, самая живая, всё равно хотела верить, что он действительно услышал. Что утро не прошло мимо него. Что её слова не растворились в его привычной уверенности.

Ольга внимательно смотрела на неё.

— Передавать?

Лия опустила глаза.

— Ты уже передала.

— Лия.

— Не отвечай.

— Хорошо.

— И не говори ему... — Она машинально коснулась живота. — Не говори ничего.

Ольга мягко накрыла её руку своей.

— Никогда без твоего разрешения.

Лия кивнула.

На кухне закипела вода. Ольга отвернулась к плите, а Лия достала свой телефон из сумки.

Выключенный экран отражал её лицо: бледное, осунувшееся, будто за одну ночь она стала старше на несколько лет.

Она включила телефон.

Сообщения посыпались сразу.

Пропущенные вызовы от Захара.

Пять.

Семь.

Десять.

Сообщения.

«Лия, ответ».

«Я был неправ».

«Нам нужно поговорить».

«Не делай поспешных выводов».

Она горько усмехнулась.

Поспешных.

Восемь лет — это, видимо, слишком поспешно.

Дальше:

«Я не приеду, если ты не хочешь. Но напиши хотя бы, что ты в безопасности».

Последнее пришло недавно.

Лия смотрела на экран, чувствуя, как внутри сталкиваются две женщины.

Одна хотела написать: «Я беременна».

И смотреть, как его мир рушится так же, как рухнул её.

Другая — новая, испуганная, с ладонью на животе — понимала, что эти два слова уже не оружие. Это не способ наказать. Не способ удержать. Не способ вернуть.

Это жизнь.

И жизнь нельзя бросать в мужчину, как камень.

Она набрала:

«Я в безопасности».

Посмотрела.

Стерла.

Набрала снова:

«Не ищи меня».

Стерла и это.

Потом выключила телефон обратно.

— Не могу, — сказала она тихо.

Ольга не обернулась.

— И не надо.

— Он подумает...

— Пусть думает. Ему полезно.

Лия невольно улыбнулась.

— Ты жестокая.

— Нет. Я просто не влюблена в него, поэтому вижу чётче.

Каша получилась почти без запаха. Лия съела несколько ложек через силу. Тошнота отступила, но слабость осталась. Ольга постелила ей в комнате, задернула шторы и положила рядом стакан воды.

— Спать.

— Я не усну.

— Лежать.

Лия легла.

Комната Ольги была маленькой. На стене висели акварели, на полке стояли книги, рядом с кроватью — лампа с тканевым абажуром. В этом полумраке было безопасно. Почти.

Ольга уже собиралась выйти, но Лия позвала:

— Оль.

— Да?

— А если он всё-таки женится?

Ольга молчала несколько секунд.

— Тогда ты будешь жить.

— С ребёнком?

— Если решишь оставить ребёнка — с ребёнком. Если тебе понадобится помощь — со мной. Если придётся уехать — уедем. Если нужно будет воевать — будем воевать.

— Ты так просто говоришь.

— Не просто. Честно.

Лия повернулась на бок, прижимая ладонь к животу.

— Я боюсь.

Ольга подошла и поправила одеяло.

— Конечно.

— Я боюсь, что он заберёт его.

— Не заберёт.

— Ты не знаешь его мир.

— Зато я знаю тебя.

Лия посмотрела на неё.

— Этого мало.

— Нет. Этого много. Ты просто пока не помнишь, какая ты, когда перестаёшь ждать разрешения быть счастливой.

С этими словами Ольга вышла.

Лия осталась одна.

Она думала, что не уснёт. Но тело, измотанное ночью, слезами и новой правдой, выключилось быстро. Сон был тяжёлым, рваным. Ей снилась кремовая бумага, мокрый подъезд, Захар у двери, Лейла в белом платье без лица. Потом — детский плач где-то за стеной, и она никак не могла найти дверь.

Проснувшись она от собственного резкого вдоха.

За окном было уже темнее. День прошёл мимо.

Лия села на кровати.

Несколько секунд не могла понять, где находится. Потом всё вернулось сразу.

Ольга.

Тесты.

Две полоски.

Ребёнок.

Она осторожно положила обе ладони на живот.

— Я здесь, — прошептала она.

Глупые слова. Слишком рано. Слишком странно.

Но после них стало немного спокойнее.

Из кухни доносились тихие звуки: Ольга разговаривала по телефону.

Лия поднялась и пошла на голос, но остановилась в коридоре, услышав своё имя.

— Нет, Захар Андреевич, — говорила Ольга холодно. — Я не скажу вам адрес.

Пауза.

— Потому что она не вещь, которую вы потеряли.

Лия замерла.

Сердце забилося быстрее.

Ольга продолжила:

— Если она захочет, она сама с вами свяжется.

Пауза стала длиннее.

— Нет. Я не передам ей, что вы «всё объясните». Она восемь лет слушала объяснения. Теперь ей нужны поступки.

Лия прислонилась к стене.

— Что вы можете сделать? — голос Ольги стал тише, но жёстче. — Начните с очевидного. Не женитесь на другой женщине.

Молчание.

Потом Ольга резко выдохнула.

— Значит, пока говорить не о чем.

Она отключилась.

Лия вошла на кухню.

Ольга обернулась и сразу поняла, что та всё слышала.

— Прости.

— Он звонил тебе?

— Да. Номер нашёл.

— Как?

— Неважно. Такие, как он, находят номера быстрее, чем извинения.

Лия опустила на стул.

— Что он сказал?

Ольга помедлила.

— Что хочет знать, как ты. Что не приедет. Что просит передать: он был у отца, и всё сложнее, чем он думал.

Лия закрыла глаза.

Вот она.

Старая фраза.

Только в новой одежде.

— Всё сложнее, чем он думал, — повторила она.

— Лия...

— Нет. Это даже смешно.

— Он звучал плохо.

— Хорошо.

Ольга удивилась.

Лия открыла глаза.

— Пусть ему тоже будет плохо. Хотя бы немного.

Она сказала это тихо, без злорадства. И сама испугалась своей честности.

Ольга села напротив.

— Плохо ему уже есть. Вопрос, станет ли он от этого человеком.

Лия посмотрела в окно.

Небо было тёмно-синим, мокрым. В окнах соседнего дома зажигался свет. Где-то люди начинали вечер: готовили ужин, ждали близких, накрывали на стол.

Она вдруг подумала, что у неё теперь будет не просто вечер. Будет утро. Врач. Анализы. Решения. Тело, которое начнёт меняться. Жизнь, которую нельзя отложить до тех пор, пока Захар разберётся со своим отцом.

— Я завтра запишусь к врачу, — сказала она.

— Я помогу.

— И найду жильё.

— Можешь остаться сколько нужно.

— Знаю. Но мне нельзя прятаться у тебя вечно.

— Пока можно.

Лия кивнула.

Потом достала из кармана халата бумажное полотенце. Развернула. Три теста лежали рядом, как три одинаковых ответа.

Ольга молчала.

Лия смотрела на две полоски, и внутри постепенно вместо хаоса возникало что-то твёрдое.

Не уверенность.

Нет.

Но решение.

— Он не узнает, пока свадьба не будет отменена, — сказала она.

— Хорошо.

— Если он женится, он может вообще не узнать сразу.

Ольга нахмурилась.

— Это серьёзно.

— Я знаю.

— Это его ребёнок тоже.

Лия подняла глаза.

— Ребёнок — не награда за то, что мужчина не сумел выбрать. И не повод ставить меня обратно туда, откуда я только что вышла.

— Я не спорю.

— Он должен выбрать без этого. Понимаешь? Без ребёнка. Без наследника. Без страха потерять не только меня, но и кровь. Иначе я никогда не узнаю, кого он выбрал — меня или то, что считает своим.

Ольга смотрела на неё долго.

Потом кивнула.

— Понимаю.

Лия снова положила ладонь на живот.

— А если он узнает случайно... я не позволю им решать за меня.

— Им?

— Его семье. Его отцу. Всем, кто считает, что люди — это документы, браки, фамилии, условия.

Она вспомнила дом Захара, в котором была всего один раз — не внутри, у ворот. Он тогда привёз её поздно вечером забрать какие-то бумаги, попросил подождать в машине. Лия смотрела на светящиеся окна особняка и чувствовала себя не возлюбленной, а нарушением, которое нельзя показывать охране.

Теперь в этом доме, возможно, уже обсуждали её.

Женщина без статуса.

Помеха.

А внутри неё — ребёнок, который для них мог стать чем-то гораздо большим, чем жизнь.

Наследником.

Инструментом.

Проблемой.

Лия выпрямилась.

Страх никуда не делся, но впервые за сутки стал не парализующим, а острым. Как лезвие.

— Мой ребёнок не станет частью их сделки, — сказала она.

Ольга тихо ответила:

— Тогда начнём с того, что ты станешь сильнее уже сегодня.

— Как?

— Поешь ещё. Потом душ. Потом спать. Завтра врач. Потом юрист, если понадобится.

— Юрист?

— Да. Ты имеешь дело не только с мужчиной, Лия. Ты имеешь дело с фамилией, которая привыкла давить. Лучше заранее знать свои права.

Лия кивнула.

Раньше она бы испугалась самого слова. Юрист. Документы. Защита. Всё это казалось чем-то слишком холодным для любви.

Но любовь уже оказалась холоднее.

Ольга поставила перед ней тарелку супа.

— Ешь.

Лия взяла ложку.

Ела медленно. Через силу. Но ела.

Ради себя.

Ради того, кто был ещё совсем крошечной тайной.

Позже, когда Ольга ушла в душ, Лия всё-таки включила телефон.

Сообщений от Захара больше не было.

Только одно непрочитанное, пришедшее час назад.

«Я не знаю, как исправить. Но я понял, что словами больше нельзя. Дай мне время».

Лия долго смотрела на экран.

Дай мне время.

Снова время.

Только теперь у неё его больше не было в прежнем смысле.

Время уже шло внутри неё.

Отсчитывало дни, недели, перемены. Не спрашивало, готовы ли взрослые люди наконец стать честными. Не ждало, пока Захар найдёт мужество. Не интересовалось, что скажет его отец и как отреагирует Лейла.

Новая жизнь не умела ждать чужих решений.

Лия набрала ответ:

«У тебя было восемь лет».

Палец завис над кнопкой отправки.

Она почти нажала.

Потом стёрла.

Нет.

Не сейчас.

Пусть тишина скажет больше.

Она выключила телефон и положила его экраном вниз.

За окном снова начался дождь. Тихий, ровный, настойчивый. Он стучал по подоконнику, смывал с улиц грязный снег, делал город размытым и чужим.

Лия подошла к окну.

В отражении стекла она увидела себя: бледную женщину в чужом халате, с распущенными волосами, с глазами, в которых ещё жила ночь.

Она положила руку на живот.

— Мы справимся, — сказала она тихо.

Слова прозвучали неуверенно.

Но это уже были не слова женщины, которая ждёт.

Это были слова женщины, которая начинает защищать.

И где-то далеко, в доме за высоким каменным забором или в холодном кабинете, Захар мог сколько угодно говорить, что это не конец.

Для Лии это действительно был не конец.

Это было начало.

Только теперь не его истории.

Её.

Глава 4. Первое решение

Утро началось не со света.

Оно началось с тишины.

Лия открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, не понимая, почему в груди так тяжело. Комната была чужая: узкая кровать, акварели на стене, светлый шкаф, книга на тумбочке. За занавеской серело небо. Где-то на кухне тихо звякнула чашка.

Потом память вернулась.

Не сразу — волнами.

Приглашение.

Захар у двери.

Чемодан.

Дождь.

Три теста с двумя полосками.

Лия закрыла глаза.

Ей хотелось ещё хотя бы минуту не быть женщиной, у которой вчера умерла одна жизнь и началась другая. Но тело уже напомнило о себе знакомой тошнотой. Лия медленно села, прижала ладонь ко рту и несколько раз глубоко вдохнула.

— Спокойно, — прошептала она.

Слово повисло в комнате и не помогло.

Она поднялась, дошла до ванной, умылась холодной водой. В зеркале было лицо, которое она едва узнавала. Бледная кожа, тёмные круги под глазами, губы без цвета. Но взгляд изменился сильнее всего. В нём появилась настороженность — не та, что бывает после ссоры с любимым мужчиной, а та, что появляется у человека, который понял: теперь от его решений зависит не только он сам.

Лия положила ладонь на живот.

Плоский. Обычный. Никаких видимых признаков. И всё же после вчерашнего она уже не могла смотреть на себя прежними глазами.

— Доброе утро, — тихо сказала она.

Смутилась сама от собственной фразы.

Потом вытерла лицо полотенцем и вышла на кухню.

Ольга стояла у плиты. На ней был серый домашний костюм, волосы взъерошены, но вид решительный, почти боевой.

— Сядь, — сказала она, даже не оборачиваясь.

Лия послушно села.

— Я выгляжу настолько плохо?

— Ты выглядишь как человек, который сейчас скажет: «Мне ничего не надо», а потом упадёт в обморок. Поэтому завтрак уже готов.

— Меня тошнит.

— Я сделала сухари, тёплую воду и кашу без запаха. Это не завтрак, это дипломатические переговоры с твоим желудком.

Лия впервые за утро слабо улыбнулась.

— Спасибо.

Ольга поставила перед ней тарелку и села напротив.

Некоторое время они ели молча. Вернее, ела Ольга. Лия медленно ломала сухарь на маленькие кусочки и заставляла себя проглатывать. От каждого глотка становилось чуть легче — будто тело, несмотря на весь ужас последних суток, всё ещё хотело жить и требовало простых вещей: воды, еды, сна.

— Я нашла врача, — сказала Ольга.

Лия подняла глаза.

— Уже?

— Ты забыла, с кем дружишь. Приём сегодня в двенадцать. Частная клиника, без лишних вопросов. Врач взрослая, спокойная, хорошая. Моя знакомая у неё наблюдалась.

— Сегодня...

В груди снова поднялась тревога.

До этого беременность была полосками на тестах, шёпотом в ванной, ладонью на животе. Врач превращал её в факт. В карту. В срок. В реальность, от которой уже нельзя отвернуться.

Ольга заметила её лицо.

— Мы можем перенести.

Лия покачала головой.

— Нет. Надо знать точно.

— Вот это правильный ответ.

— Ты пойдёшь со мной?

— Конечно.

Лия кивнула.

Потом спросила то, что мучило её с ночи:

— Он звонил?

Ольга опустила взгляд к чашке.

— Один раз. Рано утром.

— Ты ответила?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты спала. А я не справочная служба для мужчин, которые внезапно поняли, что у них есть чувства.

Лия невольно усмехнулась.

— Ты его ненавидишь.

— Нет. Ненависть требует слишком много энергии. Я ему не доверяю.

— Я тоже.

Слова вышли неожиданно легко.

И от этого стало больно.

Восемь лет назад она доверяла Захару безоговорочно. Даже когда он исчезал на сутки. Даже когда отвечал коротко. Даже когда приезжал после семейных ужинов мрачный и чужой. Она думала: у него трудная жизнь, тяжёлый отец, сложный мир. Она хотела быть тем местом, где ему не нужно оправдываться.

А оказалось, он привык не оправдываться настолько, что однажды молча согласился на свадьбу.

— Лия, — позвала Ольга мягче. — Что ты решила насчёт него?

— Ничего.

— Это тоже решение. Временное.

— Я не скажу ему о ребёнке.

— Пока?

Лия посмотрела в окно.

Во дворе дворник сгребал мокрые листья к краю тротуара. День был серый, вязкий, без надежды на солнце.

— Пока он жених другой женщины — да.

— А если он отменит свадьбу?

Лия молчала.

Этого вопроса она боялась больше всего.

Потому что какая-то часть её всё ещё хотела верить: отменит. Придёт. Скажет: «Я выбрал». Не из-за ребёнка. Не из страха. Не потому, что потерял удобное тепло. А потому, что понял.

Но другая часть — новая, трезвая — спрашивала: а что потом? Разве отмена свадьбы сотрёт восемь лет тени? Разве одно решение сделает Захара свободным от отца, от привычки владеть, от умения приходить поздно и ждать, что его примут?

— Если отменит, — сказала Лия наконец, — это будет начало разговора. Не конец.

Ольга одобрительно кивнула.

— Хорошо.

— Но я не уверена, что смогу ему простить.

— Ты и не обязана решать это сегодня.

— А ребёнок?

Ольга не ответила сразу.

Лия поняла: даже прямой Ольге здесь трудно подобрать слова.

— Ребёнок не обязан быть мостом между взрослыми, — сказала она наконец. — Но он будет связывать вас всегда. Поэтому лучше, чтобы ты принимала решения не из мести и не из страха.

— Я знаю.

— Знать мало. Придётся каждый день вспоминать.

Лия положила ладонь на живот под столом.

— Я боюсь, что если он узнает, то придёт не ко мне. А за ним.

Ольга внимательно посмотрела на неё.

— За ребёнком?

— Да. Не в смысле отнять сразу. Нет. Он не чудовище. Но он Воронцов. У них всё должно иметь место, фамилию, охрану, документы, расписание. Он решит, что так правильно. Что мне будет лучше под его защитой. Что ребёнку будет лучше рядом с ним. А я снова окажусь в квартире, где меня любят, но не выбирают.

— Тогда нельзя позволять страху загнать тебя обратно.

— Я не позволю.

Лия сказала это тише, чем хотела, но твёрдо.

После завтрака Ольга заставила её принять душ, выдала чистый свитер и тёплый шарф. Лия смотрела на себя в зеркало в чужой одежде и чувствовала странную пустоту. Вчера она вышла из дома почти без вещей. Там остались её платья, книги, рисунки, рабочие альбомы, любимая кружка, крем на полке, фотографии, которые она не успела снять.

И белая чашка Захара с трещиной.

Она вдруг поняла: возвращаться туда будет больно.

Но придётся.

Не сейчас. Позже. Когда хватит сил.

К одиннадцати они вышли.

Город был мокрым и бледным. Машины шуршали по лужам. Люди шли быстро, подняв воротники. Лия старалась смотреть под ноги, но мысли всё равно возвращались к Захару.

Что он делает сейчас?

В офисе? У отца? С Лейлой?

Обсуждает ли свадьбу, которую, по его словам, не хочет?

Или уже борется?

Она резко одёрнула себя.

Не думай.

Не жди.

Ждать — это то, что привело тебя сюда.

В клинике было тихо, тепло и слишком чисто. На стенах висели спокойные пейзажи, в углу стоял кулер, за стойкой администратор говорила мягким голосом. Лия заполнила анкету, стараясь не задерживаться взглядом на графах.

Семейное положение.

Она написала: не замужем.

Рука дрогнула.

Ольга стояла рядом и сделала вид, что не заметила.

Врач приняла их почти сразу.

Кабинет оказался небольшим, светлым. За столом сидела женщина лет пятидесяти с короткими светлыми волосами и внимательными, но не любопытными глазами.

— Добрый день, Лия, — сказала она. — Меня зовут Марина Сергеевна. Проходите. Ольга может остаться, если вы хотите.

Лия посмотрела на подругу.

— Остаюсь.

— Конечно.

Врач не задавала лишних вопросов. Сначала спокойно выслушала, когда была последняя менструация, какие симптомы, были ли болезни, принимает ли Лия лекарства. Потом назначила анализ крови и осмотр.

Лия отвечала ровно, но внутри всё сжималось.

Когда врач спросила:

— Беременность желанная?

Лия замерла.

Слово «желанная» оказалось слишком сложным.

Желанная — это когда двое ждут. Когда мужчина целует в висок и смеётся от счастья. Когда тест показывают дрожащими руками не подруге в чужой квартире, а любимому человеку. Когда впереди тревожно, но светло.

А у неё было иначе.

Но разве ребёнок виноват в том, что взрослые всё испортили?

Лия опустила взгляд.

— Неожиданная, — сказала она. — Но... я хочу знать, что с ним всё хорошо.

Марина Сергеевна чуть мягче посмотрела на неё.

— Это хороший первый шаг.

После осмотра врач сделала предварительные записи, объяснила, какие анализы нужны, что пока нельзя принимать без назначения, как справляться с тошнотой, когда прийти снова.

— Срок небольшой, — сказала она. — Точно уточним по результатам и ультразвуковому исследованию. Сейчас главное — спокойствие, питание, сон. Никаких тяжёлых нагрузок, никаких сильных потрясений.

Лия почти рассмеялась.

Никаких сильных потрясений.

Как будто их можно отменить рецептом.

Врач заметила её выражение.

— Понимаю, — сказала она. — В жизни не всегда получается спокойно. Но вам нужно беречь себя. Не идеально. Просто беречь.

Лия кивнула.

Перед выходом Марина Сергеевна задержала её взглядом.

— И ещё. Если ситуация с отцом ребёнка сложная, не принимайте решений под давлением. Ни от него, ни от родственников, ни от страха. Беременная женщина часто становится уязвимой, но это не значит, что она становится бесправной.

Лия застыла.

— Ольга вам сказала?

— Нет. Я врач. Я слышу не только ответы.

Лия почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

— Спасибо.

— Приходите через неделю. И анализ крови сегодня сдайте обязательно.

Они вышли из кабинета молча.

В коридоре Ольга взяла Лию под руку.

— Как ты?

— Не знаю.

— Это нормально.

— Она сказала «беречь себя». А я даже не знаю, где буду жить через неделю.

— Узнаем.

— И работу надо брать. Я не могу сейчас развалиться.

— Ты не разваливаешься. Ты стоишь. Пока криво, но стоишь.

Лия устало улыбнулась.

Они сдали кровь и вышли на улицу. Дождь закончился, но небо осталось низким. Лия вдохнула влажный воздух и вдруг почувствовала голод.

Настоящий.

Сильный.

— Я хочу суп, — сказала она с удивлением.

Ольга посмотрела на неё так, будто та только что объявила о победе.

— Отлично. Это уже похоже на жизнь.

Они зашли в небольшое кафе без вывески с громким названием. Там пахло хлебом, зеленью и горячим бульоном. Лия съела половину тарелки супа и кусок хлеба. Тошнота не вернулась.

Пока Ольга расплачивалась, Лия включила телефон.

Сначала пришло несколько уведомлений от рабочих клиентов. Потом — сообщение от Захара.

«Я отменяю встречу по свадьбе. Сегодня поговорю с Лейлой отдельно. Я не прошу тебя верить. Просто хочу, чтобы ты знала».

Лия прочитала и застыла.

Сердце дёрнулось так резко, что она положила телефон на стол.

Ольга вернулась и сразу всё поняла.

— Он?

Лия молча протянула экран.

Ольга прочитала.

— Интересно.

— Что?

— Слова уже чуть меньше похожи на дым.

— Не начинай.

— Я и не говорю, что нужно бежать к нему. Но фиксируем: он сделал маленькое движение в сторону поступка.

— Маленькое.

— Да. Очень маленькое.

Лия снова взяла телефон.

Ответить?

«Хорошо».

«Поздно».

«Отмени свадьбу, потом поговорим».

Нет.

Любой ответ стал бы ниточкой. А она пока не была готова давать ему даже тонкую нить.

Она выключила экран.

— Не буду отвечать.

— Правильно, если так чувствуешь.

Они вышли из кафе.

И у дверей Лия остановилась.

На другой стороне улицы стояла чёрная машина.

Не та, на которой обычно ездил Захар. Но слишком знакомая по типу: тёмные стёкла, неподвижный водитель, дорогая сдержанность. Машина не выглядела случайной. Она стояла так, будто ждала.

Лия почувствовала, как холод прошёл по спине.

Ольга проследила за её взглядом.

— Что?

— Не знаю.

— Думаешь, его люди?

— Захар обещал не приезжать.

— А его отец ничего не обещал.

Слова упали тяжело.

Лия медленно пошла вдоль улицы, стараясь не ускорять шаг. Ольга шла рядом. Машина не тронулась. Но когда они свернули за угол, Лия оглянулась — и увидела, что тёмный силуэт медленно выехал с места.

— Оля.

— Вижу.

— Только не паникуй.

— Это я тебе хотела сказать.

Они зашли в ближайший магазин с хозяйственными мелочами. Ольга быстро подвела Лию к дальнему ряду, где пахло мылом и порошком.

— Стой здесь.

— Что ты делаешь?

— Проверяю.

Ольга достала телефон и набрала номер.

— Кому?

— Одному знакомому. Не спрашивай.

Лия не стала.

Через минуту Ольга коротко сказала в трубку:

— Мне нужно понять, следят ли за нами. Да, сейчас. Адрес отправлю. Нет, без героизма.

Она сбросила вызов.

Лия смотрела на неё.

— У тебя есть знакомые для таких случаев?

— У меня есть бывший однокурсник, который работает в частной охране. Обычно я смеюсь над его паранойей. Сегодня не смеюсь.

— Оля...

— Спокойно. Возможно, мы накручиваем.

Но обе понимали: возможно, нет.

Они пробыли в магазине десять минут. Потом Ольга выглянула на улицу и тихо выругалась.

— Машина стоит дальше у поворота.

Лия почувствовала, как внутри всё леденеет.

Не Захар.

Он бы позвонил. Написал. Приехал сам, нарушив обещание, но не стал бы молча вести слежку.

Значит, отец.

Или кто-то из мира, где люди были «ситуациями».

Телефон Лии завибрировал.

Она вздрогнула.

На экране — неизвестный номер.

Ольга посмотрела на неё.

— Не отвечай.

Лия не ответила.

Звонок оборвался.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Лия, добрый день. Меня зовут Елена Воронцова. Я мать Захара. Пожалуйста, не бойтесь. Мне нужно с вами поговорить. Это важно».

Лия прочитала и перестала дышать.

Ольга взяла телефон из её рук.

— Вот теперь интересно.

— Его мать...

— Ты её знаешь?

— Нет. То есть видела издавна один раз. Захар никогда нас не знакомил.

Горькая усмешка сама тронула губы.

Даже мать мужчины, с которым она прожила восемь лет, была для неё неизвестным номером.

Телефон снова завибрировал.

Новое сообщение.

«Я понимаю, что не имею права просить. Но если вы можете, встретьтесь со мной сегодня. Без Захара. Без его отца. Я одна».

Ольга нахмурилась.

— Может быть ловушка.

— Может быть.

— И может быть шанс узнать, что происходит.

Лия смотрела на имя.

Елена Воронцова.

Жена человека, который, по словам Захара, решал судьбы. Мать мужчины, которого Лия любила и больше не могла доверять. Женщина из дома, куда её не пустили.

Что ей нужно?

Уговорить не мешать свадьбе?

Предложить деньги?

Предупредить?

Лия почувствовала лёгкое головокружение и опёрлась о полку.

Ольга сразу взяла её за руку.

— Мы никуда не идём, если тебе плохо.

— Мне не плохо.

— Врёшь.

— Мне страшно.

— Это другое.

Лия снова прочитала сообщение.

Потом набрала:

«О чём вы хотите говорить?»

Ответ пришёл почти сразу.

«О том, как защитить вас от моего мужа. И, возможно, от моего сына, если он снова выберет неправильно».

Лия медленно подняла глаза на Ольгу.

— Она знает что-то.

— Или умеет правильно пугать.

— Я хочу встретиться.

— Тогда не одна.

— Конечно.

Ольга подумала несколько секунд.

— Место выбираем мы. Людное. Без машин у входа. И сначала напишем моему знакомому.

Лия кивнула и набрала сообщение Елене:

«Через час. Кафе у городского сада, второй зал. Я буду не одна».

Ответ:

«Спасибо. Я тоже буду одна. И я понимаю ваше недоверие».

Лия убрала телефон.

Тошнота снова подкатила к горлу.

Ольга дала ей воду.

— Уверена?

— Нет.

— Тогда почему идёшь?

Лия посмотрела на улицу, где за стеклом всё ещё стояла тёмная машина.

— Потому что я больше не хочу узнавать о своей жизни последней.

Они вышли из магазина через другой выход.

Ольгин знакомый — высокий мужчина в тёмной куртке — встретил их у соседнего переулка. Он представился коротко: Кирилл. Не задавал лишних вопросов, только внимательно осмотрел улицу, машину у поворота и сказал:

— Да, за вами смотрят. Непрофессионально для серьёзной службы, но достаточно, чтобы напугать.

— Кто? — спросила Лия.

— Пока не скажу. Номер закрыт грязью. Но водитель явно не случайный.

— Можем оторваться? — спросила Ольга.

Кирилл пожал плечами.

— Можем сделать так, чтобы он понял: его заметили. Иногда этого хватает.

— Не надо, — сказала Лия резко.

Ольга посмотрела на неё.

— Почему?

— Если это люди Воронцова-старшего, я не хочу показывать, что испугалась.

Кирилл уважительно прищурился.

— Тогда идём спокойно. Я буду недалеко.

До городского сада они добрались на такси, которое Кирилл остановил сам. Он ехал следом в другой машине. Тёмная машина какое-то время держалась позади, потом исчезла.

Лия сидела у окна и пыталась не трогать живот каждые две минуты. Ей казалось, что это движение сразу выдаст её тайну. Хотя никто не мог знать. Никто.

Но страх был нелогичен.

Он шептал: теперь тебя могут ранить не только через сердце.

Кафе у городского сада оказалось старым, тихим, с деревянными столами и большими окнами. Во втором зале сидели всего две женщины у окна и пожилой мужчина с газетой. Ольга выбрала столик так, чтобы видеть вход.

— Если мне не понравится хоть одно слово, мы уходим, — сказала она.

— Хорошо.

— Если тебе станет плохо, мы уходим.

— Хорошо.

— Если она начнёт говорить про деньги...

— Оля.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Елена Воронцова пришла ровно через семь минут.

Лия узнала её сразу.

Не по фотографиям — она никогда их не рассматривала. По осанке. По сдержанной красоте. По той тихой усталости, которая часто живёт в женщинах, умеющих молчать слишком долго.

Елена была в тёмном пальто и светлом платке. Без охраны. Без демонстративной роскоши. Она остановилась у входа, заметила Лию и на мгновение застыла.

Будто тоже узнала.

Потом подошла.

— Лия?

— Да.

Елена перевела взгляд на Ольгу.

— Вы подруга?

— Да. И я останусь.

— Я не против.

Голос у неё был мягкий. Но не слабый.

Она села напротив Лии, сняла перчатки. Руки оказались тонкими, ухоженными, но пальцы слегка дрожали. Лия заметила это и неожиданно почувствовала не превосходство, а тревогу.

— Спасибо, что пришли, — сказала Елена.

— Я пришла не из доверия.

— Я понимаю.

— Тогда говорите прямо.

Елена кивнула.

Официант подошёл принять заказ. Все трое взяли чай. Лия не хотела, но ей нужно было занять руки.

Когда официант ушёл, Елена посмотрела Лии в глаза.

— Я не буду просить вас вернуться к Захару.

Лия не ожидала такого начала.

— Почему?

— Потому что это должен просить он. И только если сначала сделает то, что обязан.

Ольга чуть заметно подняла бровь.

Елена продолжила:

— Я знаю о свадьбе. Знаю, как вы узнали. И мне стыдно.

Лия почувствовала, как внутри поднялась горечь.

— Вам?

— Да.

— Вы даже не знакомы со мной.

— Именно поэтому.

Лия молчала.

Елена опустила взгляд на свои руки.

— В нашем доме много лет принято не замечать тех, кому причиняют боль. Если боль не мешает делу, её считают частностью. Я тоже так жила. Слишком долго.

— Вы пришли извиниться за семью?

— Нет. Извинения не защитят вас.

Лия напряглась.

— От кого?

Елена подняла глаза.

— От моего мужа.

Ольга сразу подалась вперёд.

— За нами сегодня следили.

Елена побледнела, но не удивилась.

— Я боялась этого.

— Это его люди? — спросила Лия.

— Скорее всего. Или люди, которые хотят показать ему полезность.

— Зачем?

— Чтобы знать, где вы. С кем. Как на вас можно повлиять.

Лия почувствовала, как пальцы сжались вокруг чашки.

— Я ничего не сделала.

— Для Андрея это не имеет значения. Вы существуете рядом с решением, которое он считает своим. А значит, вы фактор.

— Фактор, — повторила Лия тихо.

Елена закрыла глаза.

— Простите. Я ненавижу эти слова, но они точные для его мира.

— Он угрожал мне?

— Пока нет открыто. При Захаре он сказал, что перестанет считать вас невидимой, если сын сорвёт свадьбу.

Ольга тихо выругалась.

Лия ощутила холодную волну страха.

Перестанет считать невидимой.

Вот оно.

Пока она была тайной любовью, её можно было не замечать. Но если Захар сделает выбор, она станет целью. А если узнают о ребёнке...

Она положила руку на колено, заставляя себя не касаться живота.

Елена заметила напряжение, но поняла по-своему.

— Лия, я не хочу вас пугать. Но вы должны быть готовы. Андрей редко действует грубо сразу. Он начнёт с давления. Работа. Репутация. Жильё. Люди рядом с вами. Он может предложить деньги. Может прислать юриста. Может попытаться убедить вас, что вы разрушаете жизнь Захара.

Лия усмехнулась.

— Удобно. Значит, его свадьбу разрушает не он, а я.

— В их мире виноват тот, кто мешает красивой лжи оставаться красивой.

— А Захар? — спросила Лия, и голос всё-таки дрогнул. — Он знает?

— Что за вами следят? Не уверена. Что отец способен на давление — да. Сегодня он это услышал.

— И что сделал?

Елена задержала взгляд.

— Сказал, что не женится на Лейле.

Лия застыла.

Ольга тоже молчала.

Внутри что-то болезненно ударило о рёбра.

Он сказал.

В доме. При отце.

Но почти сразу другая мысль остудила это тепло: сказал — ещё не сделал.

— Слова, — произнесла Лия.

— Да, — согласилась Елена. — Пока слова. Но для Захара это впервые не слова в вашей квартире, а слова против отца.

Лия отвернулась к окну.

За стеклом мокрые ветки городского сада дрожали на ветру.

Она представила Захара в том доме: высокий, злой, упрямый. Представила его отца — человека, который говорил угрозами так спокойно, будто обсуждал погоду. Представила Лейлу, сидящую рядом за столом.

— А Лейла? — спросила она.

Елена чуть удивилась.

— Что Лейла?

— Она хочет этого брака?

— Нет.

Ответ был быстрым.

Лия медленно повернулась.

— Вы уверены?

— Сегодня она сказала это почти открыто. У неё больше достоинства, чем многие ожидали.

Странное чувство кольнуло Лию.

Она столько часов думала о Лейле как о женщине, которая заняла её место. Красивой, законной, выбранной. Но теперь выяснялось: возможно, Лейлу тоже ведут туда, куда она не хочет.

Это не снимало боли.

Но меняло форму ненависти.

Лия уже не могла ненавидеть незнакомую женщину так просто.

— Если они оба не хотят, почему свадьба всё ещё возможна? — спросила Ольга жёстко.

Елена горько улыбнулась.

— Потому что в семьях, где власть важнее счастья, согласие молодых считают приятным, но необязательным украшением.

— Прекрасные люди.

— Нет, — тихо сказала Елена. — Не прекрасные.

Она посмотрела на Лию.

— Я пришла не только предупредить. Я хочу дать вам контакты адвоката. Надёжного. Не связанного с нашей семьёй. Если на вас начнут давить, позвоните ему. Я уже предупредила, что может обратиться женщина, которой нужна защита от влиятельных людей. Имен не называла.

Она достала из сумки небольшую карточку и положила на стол.

Лия не взяла.

— Почему вы помогаете мне?

Елена не ответила сразу.

На её лице появилась такая усталость, что она на мгновение стала старше.

— Потому что когда-то я не ушла.

Тишина стала плотной.

Даже Ольга не перебила.

Елена смотрела не на Лию, а куда-то мимо — в годы, которые давно закончились и всё ещё держали её.

— Я тоже думала, что любовь всё изменит, — сказала она тихо. — Андрей был другим, когда хотел быть любимым. Внимательным. Сильным. Уверенным. Рядом с ним казалось, что мир становится понятным. Потом я начала замечать цену этой понятности. Сначала небольшую. Отказаться от работы, потому что «так удобнее». Не встречаться с подругой, потому что она «плохо влияет». Не спорить при гостях. Не задавать вопросы. Не уходить из комнаты, когда тебя унизили, потому что это «неприлично». Всё по чуть-чуть. А потом однажды просыпаешься в красивом доме и понимаешь: у тебя есть всё, кроме права на собственную жизнь.

Лия слушала, не двигаясь.

Каждое слово отзывалось слишком близко.

Не так же. Захар не был Андреем. Он не ломал её грубо. Не запрещал. Не унижал специально. Но сколько раз Лия сама отступала, потому что «так удобнее»? Сколько раз не спрашивала, чтобы не усложнять? Сколько раз оставалась в тени, называя это любовью?

Елена продолжила:

— Я не говорю, что Захар такой же, как отец. Нет. В нём много другого. Но он вырос рядом с человеком, который считает любовь территорией. Захар борется с этим, иногда даже не понимая, что внутри него. И если вы вернётесь к нему только потому, что он страдает, ничего не изменится.

Лия опустила взгляд.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Хорошо.

Ответ был спокойным, без попытки переубедить.

И это странно поддержало.

— Но вы любите его, — сказала Елена.

Лия сжала губы.

— Это не повод.

— Я знаю.

— Любовь не спасла меня от приглашения на его свадьбу.

Елена вздрогнула.

— Нет.

— И не спасла его от молчания.

— Нет.

Лия впервые посмотрела на неё без защиты.

— Тогда зачем вы здесь на самом деле?

Елена долго молчала.

Потом сказала:

— Я хочу, чтобы вы не позволили никому — ни Андрею, ни Захару, ни даже своей боли — решить за вас, какой женщиной вам быть дальше.

Лия почувствовала, как глаза защипало.

Она отвернулась.

Официант принёс чай. Эта пауза спасла её от слёз. Лия взяла чашку, но не стала пить.

Ольга тем временем взяла карточку адвоката и внимательно прочитала.

— Мы проверим.

— Обязательно, — сказала Елена. — Не доверяйте мне просто потому, что я говорю правильные слова.

Ольга впервые посмотрела на неё чуть мягче.

— Хороший совет.

Елена слабо улыбнулась.

Затем повернулась к Лии.

— Захар будет пытаться исправить. Возможно, резко. Возможно, неловко. Он не умеет просить правильно. Он привык добиваться. Это разные вещи.

— Я знаю.

— Если он придёт давить — уходите. Если придёт спасать вас от всего мира, не спросив, хотите ли вы этого, — уходите. Если придёт с поступком и уважением к вашему решению — тогда слушайте. Не прощайте сразу. Просто слушайте.

Лия молчала.

Ей хотелось спросить: а если он не придёт? Если свадьба состоится? Если все его сегодняшние слова растворятся в страхе перед отцом?

Но она не спросила.

Потому что ответ уже знала.

Тогда она будет жить дальше.

С ребёнком.

Одна, если придётся.

Елена вдруг внимательно посмотрела на неё.

— Вам нехорошо?

Лия напряглась.

— Нет.

— Вы побледнели.

— Просто устала.

Ольга быстро вмешалась:

— Она почти не спала. И плохо ела вчера.

— Понимаю.

Но взгляд Елены задержался на Лии дольше, чем хотелось.

Лия почувствовала, как под сердцем поднялась паника. Она слишком резко отставила чашку.

— Мне пора.

Ольга сразу встала.

— Да, нам пора.

Елена тоже поднялась.

— Конечно. Простите, если я отняла силы.

Лия взяла сумку.

— Спасибо за предупреждение.

— Это меньшее, что я могла сделать.

— Да, — сказала Лия, и в голосе прозвучала невольная жёсткость. — Меньшее.

Елена приняла удар спокойно.

— Вы правы.

У выхода она остановила Лию, но не коснулась.

— Одно последнее. Если Андрей предложит вам встречу — не ходите одна. Лучше вообще не ходите. Он умеет говорить так, что человек начинает сомневаться в очевидном.

— Я не пойду.

— Хорошо.

Лия вышла на улицу первой.

Холодный воздух ударил в лицо. Она вдохнула глубоко, почти жадно. Ольга вышла следом, рядом появился Кирилл, державшийся всё это время на расстоянии.

— Всё нормально? — спросил он.

— Нет, — ответила Ольга. — Но мы живы.

— Машины не вижу.

— Уже хорошо.

Лия молчала.

Встреча с Еленой оставила после себя не облегчение, а странную ясность. Опасность стала конкретной. У неё появилось имя, форма, методы. Больше нельзя было утешать себя, что всё ограничится страданиями Захара и её молчанием.

И ещё она поняла другое: Захар стоит на границе.

Но пока не перешёл.

А ей нельзя стоять рядом и тянуть его за руку, как все эти годы.

Если он захочет выйти из мира отца — пусть выходит сам.

Телефон снова завибрировал.

Лия достала его, ожидая увидеть Захара.

Но номер был неизвестный.

Сообщение было коротким:

«Лия Сергеевна, Андрей Павлович Воронцов хотел бы встретиться с вами сегодня вечером. В удобном для вас месте. Разговор касается вашего будущего».

Ольга прочитала через её плечо.

— Вот и он.

Лия почувствовала, как внутри всё сжалось.

Андрей Павлович Воронцов.

Не «отец Захара».

Не тень за дверью.

Сам.

Кирилл нахмурился.

— Не отвечайте.

— Нет, — сказала Лия.

Ольга повернулась к ней.

— Что «нет»?

— Я отвечу.

— Лия.

— Не соглашусь. Отвечу.

Пальцы дрожали, но она набрала:

«Моё будущее не обсуждается без меня, но с вами я его обсуждать не буду».

Она перечитала.

И отправила.

Ольга выдохнула сквозь зубы.

— Смело.

— Глупо?

— Возможно. Но красиво.

Ответ пришёл почти сразу.

«Вы переоцениваете свою самостоятельность».

Лия почувствовала, как холод прошёл по коже.

Ольга побледнела от злости.

— Вот мерзавец.

Лия смотрела на экран.

Раньше она бы испугалась так, что руки опустились бы. Возможно, позвонила бы Захару. Возможно, попросила бы его решить. Спряталась бы за мужчину, который сам ещё не научился выходить из-под власти отца.

Но сейчас внутри неё было не только сердце.

Там была крошечная жизнь, которая не могла защитить себя.

И это меняло всё.

Лия набрала:

«А вы переоцениваете своё право на чужую жизнь».

На этот раз отправила без паузы.

Ответа не было.

Кирилл тихо сказал:

— Теперь лучше не оставаться одной.

— Не останется, — сказала Ольга.

Лия убрала телефон в сумку.

Она понимала, что только что не победила. Не поставила Воронцова-старшего на место. Не обезопасила себя одной фразой.

Но она сделала первое настоящее движение.

Не ушла молча.

Не попросила разрешения.

Не спряталась.

Она сказала «нет» человеку, которому, кажется, редко отказывали.

На обратном пути Лия почти не говорила. Ольга обсуждала с Кириллом меры предосторожности: не открывать дверь незнакомым, не выходить одной поздно, проверить подъезд, сменить маршрут. Всё это звучало как чужой фильм, но Лия слушала внимательно.

У дома Ольги Кирилл осмотрел двор и подъезд.

— Пока чисто, — сказал он. — Но я бы на вашем месте пару дней пожил у кого-то ещё или хотя бы не светил окна.

— Спасибо, — сказала Лия.

Он кивнул.

— Если что, звоните Ольге. Она знает, как меня найти.

Когда они вошли в квартиру, Лия вдруг почувствовала такую усталость, что едва сняла обувь.

Ольга сразу сказала:

— В комнату. Ложись.

— Мне нужно подумать.

— Нет. Тебе нужно лежать. Думать будешь горизонтально.

Лия послушалась.

Она легла, но сон не приходил. За стеной Ольга звонила кому-то, говорила коротко и деловито. Лия смотрела в потолок и пыталась собрать день в понятную цепочку.

Врач подтвердит срок.

Елена предупредила.

Андрей написал.

Захар обещал говорить с Лейлой.

Мир, который ещё вчера казался личной болью, разрастался, втягивал чужие фамилии, угрозы, решения.

И посреди этого — ребёнок.

Лия повернулась на бок и достала телефон.

Сообщений от Захара больше не было.

Она открыла переписку.

Последнее:

«Я отменяю встречу по свадьбе. Сегодня поговорю с Лейлой отдельно. Я не прошу тебя верить. Просто хочу, чтобы ты знала».

Лия смотрела на эти слова долго.

Потом набрала:

«Твой отец уже написал мне».

Палец завис над отправкой.

Если она отправит, Захар приедет. Или позвонит. Или взорвётся. И снова всё станет вокруг него — его ярость, его вина, его обещания защитить.

Она стёрла.

Набрала другое:

«Разберись со своей семьёй. Ко мне не приезжай».

Это было честно.

Она отправила.

Ответ пришёл через минуту.

«Он тебе угрожал?»

Лия закрыла глаза.

Конечно, он сразу понял.

Она написала:

«Не приезжай».

Захар:

«Ответь. Он тебе угрожал?»

Лия:

«Я сказала не приезжай. Если ты хочешь что-то исправить — впервые послушай меня».

Пауза.

Долгая.

Потом:

«Хорошо. Я не приеду. Но я разберусь».

Лия почти слышала его голос в этих словах. Твёрдый, опасный, сдерживающий ярость.

Она ответила:

«Не за меня. Сначала с собой».

На этот раз ответа не было.

Лия положила телефон на тумбочку и закрыла глаза.

В груди болело, но уже иначе. Не только от предательства. От того, что любовь, если ей суждено выжить, должна была пройти через правду, в которой никто не останется прежним.

Вечером пришли результаты анализа.

Ольга открыла письмо вместе с ней.

Показатель был высоким.

Беременность подтвердилась.

Лия сидела на краю кровати и смотрела на цифры, которые ничего не говорили её сердцу и всё говорили врачу. Официально. Уже не три теста. Не предположение. Не страх.

Факт.

Ольга обняла её одной рукой.

— Ну вот, — сказала тихо.

Лия кивнула.

Она ждала, что снова заплачет. Но слёз не было.

Только странное спокойствие.

Она положила ладонь на живот и впервые сказала это не шёпотом, не испуганно, а ясно:

— Я беременна.

Слова прозвучали в комнате как начало новой правды.

Ольга сжала её плечо.

— Да.

Лия вдохнула.

— И я не отдам свою жизнь на переговоры.

— Не отдашь.

За окном темнело. В городе зажигались окна. Где-то, возможно, Захар сейчас входил в кабинет отца. Где-то Лейла смотрела на своё свадебное платье и не хотела быть невестой. Где-то Андрей Воронцов получал её отказ и решал, насколько далеко готов зайти.

Лия не знала, что будет завтра.

Но впервые за двое суток она не чувствовала себя только брошенной женщиной.

Она была матерью в самом начале пути.

И это начало требовало от неё не слабости, а силы.

Телефон на тумбочке снова загорелся.

Сообщение от Захара.

«Я отменил встречу с Арсановыми. Завтра официально заявлю отцу, что свадьбы не будет. Я не прошу ответа. Просто делаю то, что должен был сделать раньше».

Лия прочитала.

Сердце больно сжалось.

Поздняя надежда — опасная вещь. Она умеет входить тихо, как вор, и зажигать свет там, где уже решили жить в темноте.

Лия выключила экран.

Не ответила.

Но впервые не потому, что хотела наказать.

А потому что понимала: теперь слова Захара должны догнать его поступки.

А её молчание должно защитить не гордость.

Жизнь.

Она легла, укрылась одеялом и повернулась к окну. Ольга выключила верхний свет, оставив маленькую лампу у двери.

— Спи, — сказала она.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Спи.

Лия улыбнулась в темноте.

И перед тем как закрыть глаза, снова коснулась живота.

— Мы подождём, — прошептала она едва слышно. — Но не его. Правды.

На этот раз сон пришёл быстрее.

А в другой части города, в доме за высоким каменным забором, Андрей Воронцов стоял у окна своего кабинета и смотрел на короткое сообщение от женщины, которую вчера считал невидимой.

«А вы переоцениваете своё право на чужую жизнь».

Он перечитал его дважды.

Потом медленно улыбнулся.

Не весело.

Холодно.

— Значит, всё-таки характер, — произнёс он в пустоту.

На столе лежали документы по браку Захара и Лейлы.

Рядом — папка с именем Лии.

Андрей коснулся её пальцами, будто выбирал следующий ход.

И в этот момент в дверь кабинета вошёл Захар.

Без стука.

Лицо у него было спокойным.

Слишком спокойным.

— Убери от неё людей, — сказал он.

Андрей поднял глаза.

— Добрый вечер, сын.

— Я сказал: убери от неё людей.

— Иначе?

Захар подошёл к столу и положил перед отцом папку.

— Иначе завтра утром эти документы уйдут тем, кто очень заинтересуется твоими старыми сделками с Арсановыми.

Улыбка исчезла с лица Андрея.

Тишина в кабинете стала тяжёлой.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказал он.

— Впервые понимаю.

— Из-за неё?

Захар посмотрел на папку с именем Лии.

Потом на отца.

— Нет. Из-за себя.

Андрей медленно поднялся.

— Ты объявляешь мне войну?

Захар не отвёл взгляда.

— Я забираю свою жизнь.

За окном шёл дождь.

И каждый его удар по стеклу звучал так, будто старый дом впервые за много лет услышал трещину в собственном фундаменте.

Глава 5. Война без выстрелов

Захар никогда не думал, что кабинет отца может показаться ему маленьким.

В детстве эта комната была целым государством. Высокие книжные шкафы, тяжёлый стол, кожаные кресла, часы на стене, которые били глухо и редко, словно отсчитывали не время, а чужие приговоры. Здесь говорили тихо, но после этих разговоров люди меняли планы, продавали дома, подписывали договоры, исчезали из семейных ужинов.

Теперь Захар стоял напротив стола и смотрел на человека, которого всю жизнь считал почти непобедимым.

Андрей Воронцов держался прямо. На лице — ни следа страха. Только холодное внимание, как у хищника, который обнаружил, что добыча вдруг развернулась.

— Повтори, — сказал он.

Захар не отвёл взгляда.

— Убери людей от Лии.

— Ты ворвался ко мне в кабинет, размахивая папкой, и решил, что можешь отдавать распоряжения?

— Да.

— Смело.

— Поздно.

Отец посмотрел на папку, которую Захар положил на стол. Не прикоснулся. Это тоже было знаком: он не признавал угрозу, пока не считал нужным.

— Что там?

— Копии документов по старым сделкам с Арсановыми. Те самые, которые ты всегда называл «договорённостями глубже бумаги».

Взгляд Андрея стал чуть уже.

— Ты лез туда, куда тебе не следовало.

— Я много лет не лез туда, куда следовало. Теперь исправляюсь.

— Кто дал тебе доступ?

— Неважно.

— Важно.

— Для тебя — да. Для меня — нет.

Андрей медленно обошёл стол и остановился у окна. За стеклом дождь бил по тёмному саду. Дом молчал. Наверху, возможно, мать слышала голоса, но не спускалась. Или спускалась и остановилась за дверью, как делала когда-то, когда Захар был мальчиком и боялся отцовского гнева сильнее темноты.

— Ты понимаешь, что этими бумажками не только меня заденешь? — спросил отец. — Там люди. Компании. Твои же проекты. Счета, на которых держится то, чем ты управляешь.

— Управлял.

Отец повернулся.

— Что?

— Я ухожу из операционного управления.

Впервые за весь разговор в лице Андрея мелькнуло настоящее удивление.

— Ты не посмеешь.

— Уже подготовил заявление. Завтра утром оно будет на столе у совета директоров.

— Совет не примет.

— Примет. Формально оснований удерживать меня нет. А если начнёшь давить, я вынесу вопрос публично.

— Публично? — Андрей тихо усмехнулся. — Ты не любишь публичность.

— Я много чего не любил. Например, смотреть в зеркало.

Отец медленно подошёл ближе.

— Из-за женщины ты готов разрушить карьеру?

— Ты всё ещё не понял.

— Просвети.

— Я делаю это не из-за Лии.

— Разумеется. Мужчины всегда красиво называют свои слабости.

Захар шагнул вперёд.

— Я делаю это, потому что не хочу стать тобой.

Тишина после этих слов стала опасной.

Андрей смотрел на сына долго. Очень долго. В этом взгляде не было обиды. Обида была бы почти человеческой. Там было другое: холодная оценка ущерба.

— Ты уже стал мной, — произнёс он наконец. — Просто пока не умеешь пользоваться этим без истерики.

Захар молчал.

— Ты думаешь, я родился таким? — продолжил отец. — Думаешь, мне хотелось контролировать каждого, кто входит в этот дом? Нет. Я учился. Мир быстро объясняет правила тем, кто пытается жить сердцем. Тебя предадут, если ты не предашь первым. У тебя заберут, если ты не заберёшь раньше. Твоих близких используют, если ты не спрячешь их за стенами.

— Стены — это не защита, если внутри нечем дышать.

— Красиво. Скажи это тем, кто останется без работы, если ты сорвёшь соглашение с Арсановыми.

— Не прикрывайся людьми. Ты всю жизнь прикрываешься людьми, когда речь о твоей власти.

— Моя власть их кормит.

— И давит.

Андрей усмехнулся.

— Ты не управлял ничем по-настоящему, если думаешь, что можно иначе.

— Можно.

— Докажи.

— Докажу.

Отец сделал паузу, затем указал на папку.

— Это не выйдет из кабинета.

— Уже вышло.

Андрей замер.

Захар достал телефон и положил рядом со второй папкой.

— Копии у трёх людей. Если со мной, Лией, её подругой или её работой что-то случится, документы уйдут дальше. Не мне решать будет.

— Ты шантажируешь родного отца?

— Я защищаю женщину, которой ты угрожал.

— Я предупредил тебя о последствиях.

— Нет. Ты решил сделать её последствием.

Впервые Андрей повысил голос:

— Потому что она им и является!

Захар не вздрогнул.

Отец сразу взял себя в руки, но крик уже прозвучал. Часы на стене будто стали громче.

— Ты вцепился в неё, потому что рядом с ней тебе удобно чувствовать себя хорошим, — сказал Андрей тише. — Она смотрит на тебя снизу вверх, прощает, ждёт, греет. Таких женщин мужчины называют любовью, пока им не приходится платить. А когда приходится — начинают разрушать всё вокруг и называют это честностью.

Захар почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

Не потому, что отец был прав.

Потому что в его грязных словах пряталась опасная часть правды.

Лия действительно ждала.

Прощала.

Грела.

А он привык к этому теплу так же, как к фамилии, деньгам, водителю, дверям, которые открывались сами.

— Возможно, — сказал Захар глухо.

Отец прищурился.

— Вот как?

— Возможно, я пользовался её любовью. Возможно, я слишком долго был трусом. Возможно, я причинял ей боль не меньше, чем ты причинял матери.

Лицо Андрея окаменело.

— Не смей.

— Но разница между нами в том, что я хочу это остановить.

— Поздно.

— Может быть. Но это решать не тебе.

Отец медленно сел в кресло. На этот раз движение было тяжёлым. Он взял папку, открыл первую страницу, пробежал глазами по строкам. Потом вторую. Третью.

Захар видел, как отец узнаёт.

Не документы — прошлое, которое считал похороненным под слоями договоров, доверенностей и молчания.

— Ты не один это нашёл, — сказал Андрей.

— Нет.

— Лейла?

Захар промолчал.

Отец поднял глаза.

— Значит, Лейла.

— Неважно.

— Очень важно. Девочка решила, что может играть во взрослые игры.

— Она не девочка.

— Все вы дети, пока не понимаете цену разрушения.

— Мы как раз начали понимать цену сохранения.

Андрей закрыл папку.

— Хорошо. Допустим, я уберегу людей от твоей Лии.

Захар сжал челюсть, но не поправил. Сейчас было важнее другое.

— Сегодня.

— Сегодня, — согласился отец. — Допустим, свадьба будет отложена.

— Не отложена. Отменена.

— Ты не диктуешь Арсановым.

— Я поговорю с Лейлой.

— Ты уже устроил достаточно сцен.

— Теперь будут не сцены. Решения.

Отец наклонился вперёд.

— Слушай внимательно. Если ты выйдешь из этой системы, она не распахнется перед тобой как свежий воздух. Она захлопнется. Ты потеряешь должность, влияние, доступ, людей. Те, кто улыбался тебе из уважения ко мне, забудут твой номер. Те, кто клялся в дружбе, начнут ждать, чем закончится наша ссора. Ты думаешь, что сможешь построить всё заново? Может быть. Но долго. Грязно. С унижениями. И твоя Лия увидит не сильного мужчину, а человека, которого ломают.

Захар слушал молча.

— А когда она увидит, — продолжил Андрей, — ты начнёшь злиться. Сначала на меня. Потом на неё. Потому что ради неё потерял то, что считал собой. И однажды скажешь ей это. Не сразу. Через год. Через три. За ужином. В ссоре. Когда ребёнок заплачет, денег не хватит, а ты будешь помнить, что мог сидеть здесь.

Слово «ребёнок» прозвучало случайно.

Отец говорил образно.

Но Захар вдруг ощутил, как внутри резануло странное предчувствие.

Ребёнок.

Он вспомнил Лию в тот осенний вечер. Её смех. Свою ладонь на её животе. Слова, которые сорвались тогда без защиты: «Девочку я бы учил не прощать таких, как я».

Захар резко отогнал мысль.

Нет.

Сейчас не об этом.

— Если я останусь, — сказал он, — я всё равно однажды начну злиться. Только на себя.

И на всех, кого не спас.

Андрей смотрел на него с почти усталым раздражением.

— Спасатели всегда опаснее тиранов. Тираны хотя бы знают, чего хотят.

— Я не спасаю Лию. Она сама ушла.

Эти слова дались труднее всего.

Потому что ему всё ещё хотелось сказать: моя.

Моя женщина.

Моя Лия.

Но теперь он понимал, насколько опасным было это «моя», если в нём нет свободы для неё.

— Я уберу людей, — сказал Андрей внезапно.

Захар не поверил сразу.

— Почему?

— Потому что сейчас мне выгоднее убрать, чем смотреть, как ты машешь папками. Но не путай это с поражением.

— Я и не путаю.

— Ты поговоришь с Арсановыми в моём присутствии.

— Нет.

— Захар.

— Я поговорю с Лейлой сам. Потом с Рашидом — при юристах. Без семейного спектакля.

Отец усмехнулся.

— Ты решил стать самостоятельным за один день?

— Нет. Я решил начать.

Андрей достал телефон.

— Хорошо.

Он набрал короткий номер.

— Уберите наблюдение. Да. Полностью. Без самодеятельности. Если кто-то проявит инициативу — лично отвечать будет передо мной.

Он отключился.

Захар стоял неподвижно.

— Доволен? — спросил отец.

— Нет.

— Конечно. Люди твоего склада никогда не бывают довольны. Им нужна не безопасность, а ощущение нравственной победы.

— Мне нужно, чтобы ты не приближался к ней.

— А если она сама придёт?

— Не придёт.

— Не будь так уверен. Люди приходят туда, где думают получить ответы.

Захар наклонился над столом.

— Если ты попытаешься говорить с ней без её согласия, я больше не предупрежу.

— Сын, — Андрей произнёс это слово почти ласково, — ты всё ещё думаешь, что война начинается там, где звучат угрозы. Нет. Она начинается там, где одна сторона считает себя правой.

— Тогда она началась давно.

Захар взял телефон и направился к двери.

— Куда?

— К Лейле.

— Ночь.

— Тем лучше. Меньше свидетелей.

— Захар.

Он остановился, но не обернулся.

— Ты вернёшься, — сказал отец. — Все возвращаются. Кто-то за деньгами. Кто-то за защитой. Кто-то за фамилией. Ты тоже вернёшься.

Захар медленно повернул голову.

— Может быть.

Андрей чуть улыбнулся.

— Вот видишь.

— Но если вернусь, то не сыном, который просит разрешения жить.

Он вышел.

В коридоре было темно. Только у лестницы горел мягкий свет. Захар остановился, при-слонился ладонью к стене и впервые за весь вечер позволил себе выдохнуть.

Руки дрожали.

Не от страха.

От того, что он действительно сделал шаг, после которого нельзя было аккуратно вернуть всё назад.

Из тени у лестницы вышла мать.

Елена была в тёмном платье, без украшений. Лицо бледное, но глаза ясные.

— Ты всё слышала? — спросил Захар.

— Достаточно.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Это ты дала Лии контакт адвоката?

Елена не отвела взгляда.

— Да.

— И предупредила её?

— Да.

— Спасибо.

Она горько улыбнулась.

— Не благодари меня за то, что я должна была сделать много лет назад.

Захар подошёл ближе.

— Он не простит тебе.

— Он давно не прощает мне того, что я ещё думаю.

— Мам...

Елена подняла руку, останавливая.

— Не жалею тебя сейчас. У тебя не хватит сил на всех.

— Я не хочу оставлять тебя с ним.

— Я сама должна решить, где мне быть. Слышишь? Сама. Не повторяй с матерью то, что пытаешься исправить с Лией.

Захар замолчал.

Она была права.

Даже забота могла стать клеткой, если не спрашивать.

— Что ты будешь делать? — спросил он.

— Пока — смотреть, насколько далеко ты сможешь зайти.

— А потом?

Елена посмотрела в сторону кабинета.

— Потом, возможно, впервые за много лет отвечу себе честно.

Захар кивнул.

— Если тебе понадобится...

— Я скажу. Не решай за меня.

Он почти улыбнулся.

— Сегодня все учат меня одному и тому же.

— Значит, урок важный.

Елена коснулась его щеки. В этом жесте было что-то из далёкого детства, когда он ещё не знал, что мужчинам в их доме нельзя плакать.

— Ты действительно любишь её? — спросила она.

— Да.

— Тогда перестань думать, как вернуть её. Думай, как стать человеком, рядом с которым она сможет сама захотеть остаться.

Захар закрыл глаза на секунду.

— Я не знаю, получится ли.

— И правильно. Уверенность тебе сейчас вредна.

Он тихо выдохнул.

— Я поеду к Лейле.

— Будь честен.

— Постараюсь.

Елена строго посмотрела на него.

— Захар.

Он усмехнулся устало.

— Сделаю.

Он вышел из дома под дождь.

Водитель стоял у машины, но Захар жестом отпустил его.

— Я сам.

— Захар Андреевич...

— Сам.

Он сел за руль впервые за несколько недель. Мотор загудел ровно. Ворота открылись, и дом Воронцовых остался позади — тёмный, тяжёлый, похожий на крепость, из которой наконец вынесли первый камень.

Лейла ответила на звонок не сразу.

— Поздно, — сказала она вместо приветствия.

— Знаю.

— Если вы решили красиво извиниться, перенесите на утро. Ночью красивые извинения выглядят подозрительно.

— Мне нужно поговорить о свадьбе.

— О, значит, не красиво. Тогда говорите.

— Не по телефону.

Пауза.

— Вы хотите приехать?

— Да. Если вы согласны.

— Это неожиданно вежливо.

— Я учусь.

На другом конце стало тихо.

— Приезжайте к набережной у старого моста. Через сорок минут. Там люди гуляют даже ночью, так что я не буду чувствовать себя героиней семейного заговора.

— Спасибо.

— Не благодарите раньше. Я могу быть неприятной собеседницей.

— Я заслужил.

— Вот это уже интереснее.

Она отключилась.

Захар ехал через ночной город и чувствовал, как усталость давит на плечи. Дождь размазывал огни по лобовому стеклу. В какой-то момент он поймал себя на желании свернуть к Лии.

Не заходить.

Просто увидеть окно.

Убедиться, что там горит свет.

И тут же заставил себя ехать дальше.

Она сказала: не приезжай.

Если он хотел, чтобы его словам однажды снова поверили, надо было начать с самого простого — послушать.

Набережная была почти пустой. Ветер гнал мелкий дождь с реки, фонари отражались в чёрной воде. У старого моста стояла Лейла. В длинном тёмном пальто, с убранными волосами, прямая и спокойная, будто ночной холод её не касался.

Захар подошёл.

— Вы одна?

— Нет, — ответила она.

Он оглянулся.

— Не ищите. Мой водитель недалеко. После сегодняшнего завтрака я решила, что в наших семьях романтика должна ходить под присмотром.

— Правильно.

Лейла посмотрела на него.

— Вы выглядите хуже, чем утром.

— День был длинный.

— У вашей Лии, думаю, тоже.

Захар сжал челюсть.

— Да.

— Вы знаете, где она?

— Нет.

— И не нашли?

- Мог. Не стал.
Лейла чуть наклонила голову.
— Это первое разумное, что я услышала от вас.
— Я пришёл сказать, что свадьбы не будет.
Она молчала несколько секунд.
Ветер трепал край её платка.
— Вы сказали это отцу?
— Да.
— Моему скажете?
— Да.
— Не словами на набережной, а официально?
— Завтра. Через юристов.
Лейла отвернулась к воде.
— Вы понимаете, что мой отец воспримет это как оскорбление?
— Да.
— И что он попытается взять компенсацию? Деньгами, активами, влиянием, унижением
— чем угодно.
— Понимаю.
— И всё равно?
— Да.
Она посмотрела на него внимательнее.
— Почему сейчас?
Захар не ответил сразу.
Вопрос был простой. Ответ — нет.
Потому что Лия ушла?
Потому что отец угрожал?
Потому что он испугался потерять?
Потому что впервые увидел себя её глазами?
— Потому что я слишком долго ждал, пока правильное решение станет удобным, —
сказал он наконец. — Оно не стало.
Лейла усмехнулась.
— Неплохо.
— Это не извиняет меня перед вами.
— Нет.
— Я втянул вас в унижительную ситуацию.
— Не только вы. Я тоже молчала.
— Вас заставляли.
— Не снимайте с меня ответственность, Захар. Это очень мужская привычка — сначала
решать за женщин, а потом благородно освобождать их от вины.
Он кивнул.
— Хорошо. Вы молчали. Я молчал. Наши отцы строили союз. Теперь надо его разобрать.
— Разобрать сложнее, чем построить.
— Знаю.
Лейла долго смотрела на реку.
— Я не хотела этого брака, — сказала она тихо. — Но думала, что смогу. У нас в семье
это называется зрелостью. Не хотеть — и всё равно делать, потому что так надо. Отец говорил:
Захар Воронцов умён, силен, не жалок. С таким можно жить.
— Простите.
— Не перебивайте. Я ещё не решила, хочу ли принимать ваши извинения.

Он замолчал.

— Я знала, что у вас кто-то есть, — продолжила Лейла. — Не восемь лет, конечно. Но чувствовала. Мужчина, который соглашается на брак как на переговоры, либо пуст, либо занят. Вы не казались пустым.

— Почему не отказались раньше?

Лейла медленно улыбнулась.

— Потому что я дочь своего отца. Смелость у нас тоже проходит согласование.

Захар не улыбнулся.

Она посмотрела на него и стала серьёзной.

— У меня есть условие.

— Какое?

— Мы отменяем свадьбу не так, будто вы сбежали к любимой женщине, а я осталась брошенной невестой.

— Конечно.

— Нет, вы не поняли. Я не хочу быть вежливой деталью в вашей любовной драме. Если союз рушится, он рушится обоюдно. Я официально заявляю, что не готова к браку. Вы официально подтверждаете, что решение принято совместно. Никаких намёков на третьих лиц. Никакого имени Лии. Никаких слухов от ваших людей.

— Согласен.

— Быстро.

— Потому что вы правы.

— Сегодня вы подозрительно обучаемы.

— День был очень длинный.

Она кивнула.

— Второе. Если мой отец начнёт давить на меня, вы дадите мне копии тех документов, которые передали своему.

Захар посмотрел на неё резко.

— Вы знали?

— Я помогла их найти.

— Зачем?

— Сначала — чтобы иметь страховку против собственного отца. Потом — чтобы проверить, хватит ли у вас мужества воспользоваться правдой, когда она станет неудобной.

— И?

— Пока рано ставить оценку.

Захар невольно усмехнулся.

— Справедливо.

Лейла достала из кармана перчатки, но не надела.

— Третье. Вы не используете меня, чтобы вызвать ревность Лии. Ни случайными встречами, ни разговорами, ни демонстративным благородством.

— Я не собирался.

— Все мужчины «не собирались», пока не обнаруживали, как удобно страдание одной женщины лечить вниманием другой.

Захар сжал губы.

— Я понял.

— Хорошо.

Она наконец повернулась к нему полностью.

— И последнее. Если вы действительно любите Лию, не ждите благодарности за отменённую свадьбу. Вы не сделали ей подарок. Вы просто перестали наносить удар.

Слова вошли точно.

Захар кивнул.

— Да.

— Вот теперь я, возможно, приму извинения.

— Мне жаль, Лейла.

Она смотрела на него спокойно.

— Мне тоже.

Некоторое время они стояли рядом, глядя на тёмную воду.

Странный союз двух людей, которые должны были стать мужем и женой, а вместо этого впервые честно говорили в ночь перед началом войны.

— Вы пойдёте к ней? — спросила Лейла.

— Нет. Она просила не приезжать.

— И вы выдержите?

— Не знаю.

— Выдержите. Иначе всё зря.

Он посмотрел на неё.

— Вы сильнее, чем показывали за столом.

— А вы слабее, чем хотели казаться. Возможно, поэтому у нас есть шанс не стать несчастными супругами.

Захар почти улыбнулся.

— Что вы будете делать дальше?

Лейла подняла плечи.

— Сначала переживу гнев отца. Потом, возможно, уеду на время. У меня есть дела, которые я откладывала, пока была удобной дочерью.

— Если нужна будет помощь...

— Не надо. Я сама попрошу, если понадобится.

Он кивнул.

Опять тот же урок.

Не спасать без просьбы.

Лейла протянула руку.

— До завтра, Захар.

Он пожал её ладонь.

— До завтра.

— И да, — добавила она, уже отходя. — Ваша Лия не обязана простить вас только потому, что вы наконец начали вести себя прилично.

— Знаю.

Лейла остановилась.

— Хорошо. Значит, у вас всё-таки есть шанс.

Она ушла в сторону машины.

Захар остался у реки.

Дождь усилился, но он не двигался. Вода текла по лицу, ворот пальто намок, руки замёрзли. Он смотрел на чёрную гладь и впервые не пытался придумывать, что скажет Лии при встрече.

Раньше он всегда готовил слова.

Теперь понимал: слова ничего не решат.

Нужна тишина, в которой он не будет вторгаться.

Нужны документы, в которых свадьба перестанет существовать.

Нужны поступки, которые нельзя принести как букет и потребовать за них прощения.

Телефон завибрировал.

Захар достал его, почти не надеясь.

Сообщение от Лии.
«Не за меня. Сначала с собой».
Он перечитал несколько раз.
И неожиданно почувствовал не боль, а направление.
Сначала с собой.
Значит, она всё ещё говорит с ним.
Не зовёт.
Не прощает.
Но говорит.
Он набрал ответ.
Стер.
Снова набрал.
Снова стёр.
Потом написал только:
«Понял».
Отправил.
Через секунду пожалел — слишком мало, слишком сухо.
Но, может быть, впервые это было правильно.
Не давить.
Не объяснять.
Не просить.
Просто услышать.
Лия проснулась среди ночи.
Не от кошмара. От странного ощущения, будто в комнате кто-то есть. Она резко открыла глаза, села и прислушалась.
Тихо.
За дверью Ольга спала. В кухне чуть гудел холодильник. За окном шёл дождь.
Телефон лежал на тумбочке экраном вверх.
На нём светилось одно слово.
«Понял».
Лия смотрела на него долго.
Всего одно слово. Без привычного напора. Без «я всё решу». Без «ты должна». Без длинных объяснений, в которых она обычно терялась и начинала сомневаться в собственном праве злиться.
Понял.
Она не знала, правда ли.
Но почему-то именно это короткое сообщение не ранило.
Лия положила ладонь на живот.
— Он пытается, — прошептала она в темноту. — Но мы пока не верим. Хорошо?
Ответа, конечно, не было.
И всё же ей стало спокойнее.
Утром тошнота была сильнее.
Ольга нашла её в ванной, сидящей на коврик с мокрым полотенцем на шее.
— Так, — сказала она. — Сегодня ты не герой.
— Я и не похожа.
— Сегодня ты лежишь. Я работаю из дома. Врач сказала — беречь.
— Мне надо найти квартиру.
— Я найду варианты.
— Мне надо забрать вещи.

— Позже.

— Мне надо работать.

— Но не умирать ради заказчиков.

Лия прикрыла глаза.

— Ты ужасно властная.

— Да. Но я хотя бы не заставляю тебя выходить замуж за незнакомых людей.

— Справедливо.

Ольга помогла ей встать, довела до комнаты, принесла воду и сухари.

День тянулся вязко. Лия пыталась открыть рабочий альбом, но линии расплывались перед глазами. Она отвечала клиентам коротко, переносила встречи, обещала прислать эскизы позже. Потом поймала себя на том, что уже десять минут смотрит на пустую страницу.

В голове были не интерьеры.

Там был дом Воронцовых.

Андрей.

Елена.

Лейла.

Захар.

И ребёнок, который пока не знал, в какую бурю попал.

Около полудня позвонил незнакомый номер. Лия не ответила. Следом пришло сообщение.

«Это Марина Сергеевна. Анализы подтверждают беременность. Показатели соответствуют раннему сроку. Поводов для паники нет, но вам нужно избегать стресса. Запишитесь на УЗИ через несколько дней».

Лия усмехнулась.

Избегать стресса.

Она показала сообщение Ольге.

— Отлично, — сказала та. — Теперь у нас медицинское разрешение посылать всех к чёрту.

— Вежливо?

— По состоянию здоровья можно невежливо.

Лия впервые за день рассмеялась.

Смех вышел коротким, слабым, но настоящим.

Через час пришла новость, которую она не ждала так быстро.

Не от Захара.

От Елены.

«Свадьба будет отменена официально. Захар сейчас у юристов. Лейла подтвердила своё согласие. Андрей в ярости, но наблюдение за вами снято. Пожалуйста, всё равно будьте осторожны».

Лия прочитала сообщение несколько раз.

Свадьба будет отменена.

Не «он обещает».

Не «он хочет».

Будет отменена.

Внутри что-то дрогнуло и тут же спряталось, словно боялось поверить.

Ольга подошла к ней.

— Что?

Лия протянула телефон.

Ольга прочитала, села рядом и ничего не сказала.

— Скажи что-нибудь, — попросила Лия.

— Боюсь спугнуть.

— Ты?

— Я тоже человек.

Лия прижала телефон к груди, потом опустила.

— Это ещё ничего не значит.

— Значит. Но не всё.

— Да.

Она ждала, что почувствует облегчение. Но облегчение оказалось смешанным с новой болью. Потому что если Захар мог отменить свадьбу сегодня, значит, мог и раньше. Не так просто, не без цены, но мог. А она восемь лет утешала себя тем, что у него связаны руки.

Нет.

Руки были не связаны.

Просто он слишком долго держал ими не её, а свою прежнюю жизнь.

— Я злюсь, — сказала Лия.

— Имеешь право.

— Даже сейчас.

— Особенно сейчас.

— Почему особенно?

— Потому что его поступок доказывает не только то, что он способен выбрать. Он доказывает, что раньше не выбирал.

Лия закрыла глаза.

Ольга снова была жестоко точна.

— Я не знаю, как с этим жить.

— Пока никак. Просто знай.

К вечеру новость стала официальной внутри их круга. Лия узнала об этом не из газет и не от знакомых — Захар прислал ей скан короткого уведомления, подписанного обеими сторонами.

«Бракосочетание отменено по обоюдному решению. Вопросы организационного характера урегулируются представителями семей».

Под ним было его сообщение:

«Это сделано. Я не жду ответа».

Лия сидела на кухне, держа телефон обеими руками.

Ольга поставила перед ней чай.

— Ну?

— Он сделал.

— Да.

— Я думала, мне станет легче.

— А стало?

Лия прислушалась к себе.

— Стало... тише.

Ольга кивнула.

— Иногда тишина лучше облегчения.

Лия открыла переписку, набрала:

«Я видела».

Посмотрела на эти два слова.

Они были холодными. Но честными.

Она отправила.

Ответ пришёл не сразу.

«Спасибо, что сказала».

И всё.

Лия положила телефон на стол.

— Он опять нормально отвечает.

— Подозрительно, — сказала Ольга.

— Мне страшно.

— Потому что если он становится лучше, тебе придётся решать не только как уйти, но и можно ли когда-нибудь остаться.

Лия посмотрела на подругу почти с обидой.

— Ты могла бы иногда быть менее умной?

— Я пробовала. Не понравилось.

Они обе слабо улыбнулись.

Но ночью Лия долго не спала.

Она думала о том, как скажет Захару о ребёнке.

Не сейчас.

Но когда?

После первой встречи? После того как увидит, что он действительно изменился? После того как найдёт квартиру? После врача? После того как Андрей Воронцов окончательно отступит — если такие люди вообще отступают?

Правильного ответа не было.

Была только правда: чем дольше она молчит, тем тяжелее будет сказать.

Но сказать сейчас — значит снова поставить ребёнка в центр чужой войны.

Лия повернулась на бок.

— Прости, — прошептала она, не зная, кому: ребёнку, Захару или себе.

Через два дня Захар впервые увидел Лию после её ухода.

Не потому, что приехал.

Потому, что она сама согласилась на встречу.

Сообщение от неё пришло утром.

«Нужно забрать вещи из квартиры. Я буду сегодня в три. Прошу тебя не быть там».

Он смотрел на экран долго.

В квартире.

Их квартире — хотя теперь он понимал, насколько неверным было это слово. Квартира была оформлена на него. Он платил. Он приезжал. Он уходил. Лия жила там, но не имела настоящего права даже на стены, которые выбирала сама.

Он набрал:

«Я могу уехать. Ключи оставляю у консьержа».

Потом добавил:

«Если хочешь, я вообще не буду рядом с домом».

Ответ:

«Да. Так лучше».

Захар почувствовал, как внутри всё сжалось, но ответил:

«Хорошо».

Он приехал туда за два часа до неё.

Не чтобы ждать.

Чтобы уйти правильно.

Квартира встретила его тишиной. После ухода Лии он почти не появлялся здесь. Не мог. Каждая вещь говорила о ней громче, чем любые обвинения.

На столе всё ещё лежала ваза с сухой веткой. На подоконнике — её книги. В спальне — её половина шкафа, теперь открытая и живая, в отличие от пустого места, где раньше висели его рубашки.

Захар прошёл по комнатам и впервые увидел, сколько Лии было в этом доме.
Не как украшения.
Как дыхания.

Плед на кресле. Карандаш возле эскизов. Чашка с тонким сколом. Тёплый свет лампы, которую он когда-то счёл слишком простой, а потом привык включать первым делом.

Он достал коробку и сложил туда документы, которые могли понадобиться Лии: договор аренды мастерской, квитанции, несколько её старых папок, которые по ошибке оказались в его кабинете. Потом остановился у спальни.

На тумбочке лежала маленькая серебристая заколка.

Он взял её в ладонь.

И вдруг так ясно вспомнил: Лия утром собирает волосы, ругается на непослушную прядь, он обнимает её со спины, она смеётся и говорит, что из-за него опоздает.

Тогда ему казалось — это и есть жизнь.

Но он не дал этой жизни имени.

Захар положил заколку в коробку.

Потом написал записку.

Долго сидел над чистым листом.

Хотел написать много.

Прости.

Я отменил свадьбу.

Я борюсь с отцом.

Я люблю тебя.

Я был идиотом.

Я не знаю, как жить без тебя.

Всё это было правдой.

И всё это опять было бы о нём.

В конце он написал:

«Я оставил документы, которые могут быть тебе нужны. Всё остальное забирай спокойно. Если что-то оформлено на меня, но принадлежит тебе, скажи — переоформлю. Ключи у консьержа. Я не буду рядом.

З.»

Он перечитал.

Сухо.

Но уважительно.

Оставил записку на столе, ключи отдал внизу и уехал.

Не к дому напротив.

Не за угол.

Не туда, откуда можно было бы увидеть её силуэт.

В офис, который уже переставал быть его.

Лия приехала в три пятнадцать.

Не одна. С Ольгой и Кириллом.

Кирилл остался у подъезда. Ольга поднялась вместе с ней.

Когда дверь открылась, Лия на мгновение застыла.

Квартира пахла прошлым.

Не духами Захара, не кофе, не дождём. А тем особым воздухом, который бывает в местах, где слишком много чувств не договорили до конца.

— Ты уверена? — спросила Ольга.

— Нет.

— Отлично. Значит, быстро.

Лия вошла.

Каждый шаг отзывался внутри. Вот здесь она ждала его ночами. Здесь они однажды танцевали без музыки. Здесь он сказал, что устал от всего, кроме неё. Здесь она держала в руках приглашение на его свадьбу.

Она увидела коробку на столе.

Записку.

Почерк Захара — уверенный, резкий.

Лия прочитала.

Ольга стояла рядом, но не заглядывала.

— Что пишет?

— Ничего лишнего.

— Это прогресс.

Лия сложила записку и почему-то убрала в сумку.

Потом началась работа.

Одежда. Книги. Эскизы. Косметика. Несколько чашек, которые Лия купила сама. Плед. Лампа. Фотографии — их было немного, и большинство без лиц: руки, тени, город за окном, его плечо в полумраке. Она долго держала их, потом положила в отдельный конверт.

— Выбросить? — спросила Ольга.

— Нет.

— Оставить?

— Пока не знаю.

— Тогда в коробку «пока не знаю». У нас таких сегодня будет много.

В спальне Лия открыла ящик и нашла маленькую коробочку.

Серёжки.

Захар подарил их три года назад. Без повода. Просто положил на подушку и сказал: «Увидел и подумал о тебе». Тогда она была счастлива весь вечер. Теперь смотрела на них и не знала, где у подарка заканчивается любовь и начинается боль.

— Забирай, — сказала Ольга. — Потом решишь.

Лия кивнула.

Когда они почти закончили, её снова затошнило. Она села на край кровати, побледнев.

— Всё, перерыв, — сказала Ольга.

— Сейчас пройдёт.

— Вода.

Ольга принесла стакан.

Лия сделала несколько глотков, дыша медленно.

— Это от нервов, — сказала она автоматически.

Ольга посмотрела строго.

— Не только.

— Тише.

— Я молчу.

Лия закрыла глаза.

Она сидела на кровати, где ещё недавно спала рядом с Захаром, и носила под сердцем его ребёнка, о котором он не знал. От этого было так горько и странно, что на мгновение захотелось позвонить ему прямо сейчас.

Сказать.

Пусть приезжает.

Пусть держит.

Пусть тоже боится.

Но она вспомнила: «Не за меня. Сначала с собой».

Она сама это сказала.
Значит, должна выдержать.
Когда они спустили первые коробки вниз, у подъезда стояла Елена Воронцова.
Одна.
Без машины у входа, без охраны. В руках — небольшой пакет.
Ольга сразу напряглась.
Лия остановилась.
Елена шагнула ближе, но оставила расстояние.
— Простите. Я не хотела вас пугать.
— Как вы узнали, что я здесь? — спросила Лия холодно.
Елена выдержала её взгляд.
— Захар сказал мне, что вы забираете вещи. Я спросила, могу ли передать вам кое-что через консьержа. Он ответил, что лучше не вмешиваться. Я всё равно приехала. Возможно, зря.
Лия молчала.
Ольга скрестила руки.
— Что в пакете?
— Документы на консультацию у адвоката. И копия распоряжения о прекращении наблюдения за Лией. Я подумала, ей будет спокойнее иметь подтверждение.
Ольга взяла пакет первой, проверила.
— А ещё?
Елена посмотрела на Лию.
— И письмо. От меня. Не от Захара.
Лия не протянула руку.
— Почему вы продолжаете мне помогать?
— Потому что мой муж не остановится навсегда. Он отступил сейчас, но будет искать другие пути влияния. Вам лучше быть готовой.
— А ваш сын?
Елена чуть побледнела.
— Захар сейчас впервые делает не то, что удобно. Но это не делает его безопасным автоматически.
Лия горько усмехнулась.
— Странно слышать такое от матери.
— Матери часто лгут за сыновей. Я слишком долго лгала молчанием. Больше не хочу.
Лия посмотрела на неё внимательнее.
В Елене не было просьбы. И это обезоруживало.
— Спасибо, — сказала Лия наконец.
Елена кивнула.
И вдруг её взгляд опустился ниже — на Лиины руки, которые та невольно держала у живота после приступа тошноты.
Всего секунда.
Но Лия заметила.
Внутри всё похолодело.
Елена снова подняла глаза.
В её лице что-то изменилось. Не уверенность. Догадка. Женская, мгновенная, слишком опасная.
Ольга тоже это уловила и шагнула чуть вперёд.
— Нам пора.
Елена медленно кивнула.
— Конечно.

Она не сказала ничего.
Не спросила.
Не выдала себя ни одним словом.
Но когда Лия проходила мимо, Елена тихо произнесла:
— Берегите себя.
Обычная фраза.
Слишком обычная.
И всё же Лия поняла: Елена догадалась.
В машине Ольга сразу повернулась к ней.
— Она поняла?
Лия смотрела в окно.
— Не знаю.
— Лия.
— Думаю, да.
— Проклятье.
— Она не скажет.
— Ты уверена?
Лия вспомнила глаза Елены. Усталые, испуганные, но не жадные.
— Нет.
— Тогда что будем делать?
Лия положила ладонь на живот.
Впервые движение было не защитным, а осознанным.
— Ускоримся. Квартира, адвокат, врач. И разговор с Захаром — раньше, чем я планировала.
Ольга резко посмотрела на неё.
— Ты скажешь ему?
— Не сейчас. Но скоро.
— Почему изменила решение?
Лия выдохнула.
— Потому что тайна перестала быть только моей защитой. Если о ней начнут догадываться другие, она станет слабым местом. Я должна сама выбрать момент, пока его не выбрали за меня.
Ольга кивнула медленно.
— Это правильно.
— Страшно.
— Правильное часто страшное.
Лия закрыла глаза.
За окном город плыл серыми пятнами. Где-то в нём Захар разбирал свою жизнь на части. Где-то Андрей Воронцов придумывал новый ход. Где-то Елена держала в руках догадку, которая могла всё изменить.
А внутри Лии билось время.
Ещё неслышное.
Но уже сильнее всех их планов.
Елена не поехала домой сразу.
Она сидела в машине за углом и смотрела на свои руки.
Догадка пришла не как мысль, а как удар.
Бледность Лии. Тошнота. Осторожное движение к животу. Взгляд Ольги — слишком быстрый, слишком защищающий.
Беременна.

Возможно.

Нет, почти наверняка.

Елена закрыла глаза.

Если Андрей узнает...

Она знала мужа. Знала, как быстро в его голове ребёнок станет не ребёнком, а наследником, рычагом, доказательством, собственностью. Знала, как он умеет оборачивать даже радость в договор.

И Захара знала.

Сын мог любить искренне, но любовь, смешанная с страхом и правом, становилась опасной. Если он узнает сейчас, то может сорваться. Приехать. Требовать. Защищать так, что Лии станет нечем дышать.

Елена достала телефон.

Открыла переписку с Захаром.

Написала:

«Я видела Лию. Она забрала вещи. Не ищи с ней встречи. Дай ей время».

Палец завис.

Она хотела добавить: «И будь осторожен. Есть то, чего ты не знаешь».

Нет.

Нельзя.

Не её тайна.

Она стёрла вторую фразу и отправила только первую.

Ответ пришёл почти сразу.

«Как она?»

Елена смотрела на эти два слова.

Сколько боли в таком простом вопросе.

Она написала:

«Держится. Но ей тяжело».

Захар:

«Я хочу помочь».

Елена:

«Тогда не делай ничего без её просьбы».

Долгая пауза.

Потом:

«Понял».

Елена почти улыбнулась сквозь усталость.

Сегодня это слово стало для него первым настоящим шагом.

Она завела машину.

Но домой не поехала.

Вместо этого набрала номер адвоката, чей контакт дала Лии.

— Это Елена Воронцова. Если к вам обратится Лия Сергеевна, примите её сразу. Да, вопрос может быть срочным. Нет, никаких сведений мне передавать не нужно. Даже если я попрошу позже.

Она помолчала, слушая ответ.

— Особенно если я попрошу позже.

Отключившись, Елена посмотрела на серое небо.

Впервые за много лет она сделала что-то против мужа не из страха за сына.

А из уважения к другой женщине.

И это странно расправило плечи.

Захар узнал, что Лия забрала вещи, только вечером.

Он вернулся в квартиру, когда уже стемнело.

Дверь открыл своим ключом — последним, который оставил себе не для входа, а чтобы потом отдать. Внутри стало пусто.

Не совсем. Мебель осталась. Картины, часть посуды, книги, которые принадлежали ему. Но всё живое исчезло. Плёда не было. Лампы не было. Вазы с сухой веткой не было.

На столе лежали его ключи.

И записка.

Почерк Лии.

«Я забрала своё. Остальное позже решим. Спасибо, что не приехал».

Всего две строки.

Захар сел на стул и долго смотрел на слово «спасибо».

Не за любовь.

Не за отменённую свадьбу.

За то, что он не нарушил границу.

Он вдруг понял, насколько низко опустил планку доверия, если его отсутствие стало поступком.

Эта мысль ударила сильнее, чем ожидалось.

Телефон зазвонил.

Рашид Арсанов.

Захар ответил.

— Добрый вечер.

— Не уверен, что он добрый, — голос Рашида был мягким и опасным. — Ты решил устроить нам всем испытание?

— Я решил отменить брак.

— Брак отменяют не решениями, а последствиями. Ты готов?

— Да.

— Твой отец так не думает.

— Мой отец сегодня много чего не думает за меня впервые.

Рашид тихо рассмеялся.

— Молодость. Всегда звучит одинаково, даже когда мужчине за тридцать.

— Лейла согласна на отмену.

— Лейла — моя дочь.

— И взрослый человек.

— Опасная фраза. Обычно её произносят те, кто хочет разрушить чужую семью и назвать это свободой.

Захар устало закрыл глаза.

— Я не враг вашей дочери.

— Нет. Ты хуже. Ты сделал её частью своей нерешительности.

— Да.

На другом конце стало тихо.

Рашид не ожидал согласия.

— Признание вины не отменяет ущерба.

— Я готов обсуждать компенсации через юристов.

— Деньги — не всё.

— Знаю.

— Не знаешь. Но узнаешь.

Захар открыл глаза.

— Это угроза?

— Это прогноз.

— Лию не трогать.

Рашид помолчал.

— Ах да. Женщина, из-за которой мужчины Воронцовы внезапно вспомнили о сердце.

— Я сказал...

— Я услышал. И скажу тебе то же, что, вероятно, сказал твой отец: чем больше ты ставишь её в центр, тем заметнее она становится.

— Поэтому разговор о ней закончен.

— Разумно. Запоздало, но разумно.

Рашид отключился.

Захар положил телефон на стол.

Пустая квартира молчала.

Он поднялся, прошёл к окну и увидел своё отражение в тёмном стекле.

Мужчина, который потерял дом, хотя стены всё ещё принадлежали ему.

Он достал ключи, оставленные Лией, сжал их в ладони и понял: завтра начнётся настоящее.

Не громкая сцена с отцом.

Не ночной разговор с Лейлой.

А долгий день, в котором ему придётся жить без привычной опоры. Без должности, которую он использовал как броню. Без женщины, которая ждала. Без права требовать.

И впервые за много лет он не знал, кем будет к вечеру.

Но, возможно, именно с этого и начиналась свобода.

Глава 6. Тайна, которая растёт

Лия проснулась до будильника.

За окном ещё не рассвело. Комната Ольги тонула в сером предутреннем полумраке, и все предметы казались чужими: стул у стены, стопка коробок, пакет с вещами, недособранная сумка у двери. Только стакан воды на тумбочке и таблетки, назначенные врачом, были уже частью новой реальности.

Лия лежала на боку, не шевелясь.

Внутри было тихо.

Так тихо, что становилось страшно.

Она положила ладонь на живот, прислушалась, будто могла услышать там хоть что-то. Конечно, ничего не было. Ни движения, ни ответа, ни знака. Только её собственное дыхание, слабое сердцебиение в висках и ранняя тошнота, которая поднималась медленно, как туман.

— Доброе утро, — прошептала она.

Слова прозвучали почти беззвучно.

Ей всё ещё было странно говорить с тем, кого она не видела и почти не знала, но каждый раз после этих слов становилось чуть спокойнее. Будто в огромной темноте появлялась крошечная точка света.

Сегодня ей предстояло сделать слишком многое.

Посмотреть квартиру.

Позвонить адвокату.

Записаться на первое исследование.

И решить, когда сказать Захару.

Последняя мысль заставила её закрыть глаза.

Вчера вечером она долго сидела над телефоном, открывая и закрывая переписку. «Нам нужно поговорить». Слишком просто. «Я должна кое-что сказать». Слишком страшно. «Ты скоро станешь отцом». Невозможно.

Она не отправила ничего.

Пока.

Ольга постучала в дверь, хотя дверь была приоткрыта.

— Ты не спишь?

— Нет.

— Тошнит?

— Немного.

— Значит, сильно.

Ольга вошла с чашкой тёплой воды и сухарями. Волосы у неё были собраны кое-как, лицо сонное, но взгляд уже боевой.

— Начинаем день с переговоров с организмом, — сказала она. — Он пока ведёт себя как маленький диктатор.

Лия слабо улыбнулась и села.

— Не называй его диктатором.

— Хорошо. Маленький руководитель сложного проекта.

— Уже лучше.

Ольга поставила чашку на тумбочку и села на край кровати.

— Как ты?

Лия взяла сухарь, отломала крошечный кусочек.

— Не знаю. Проснулась и поняла, что всё правда.

— Неприятное открытие?

— Не совсем.

Она посмотрела на коробки у стены.

Там лежала её жизнь, вынутая из квартиры Захара. Платья, книги, эскизы, несколько фотографий, чашки, лампа, которую Ольга завернула в полотенце, чтобы не разбилась. Вещи выглядели сиротливо, будто их тоже выгнали из дома.

— Я всё время думаю, — сказала Лия тихо, — что вчера забрала своё. А потом понимаю: самое важное я не забрала. Оно уже со мной.

Ольга посмотрела на её ладонь, лежащую на животе.

— Это не вещь, Лия.

— Я знаю.

— И не часть Захара.

Лия подняла глаза.

Ольга говорила спокойно, но твёрдо.

— Ребёнок не должен стать продолжением твоей боли. И не должен стать продолжением его вины.

Лия молчала.

Эти слова были нужны. Неприятны — но нужны.

— Я боюсь, что не справлюсь, — призналась она.

— Справишься.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Откуда?

Ольга вздохнула.

— Потому что ты уже справляешься. Плачешь, боишься, злишься, но всё равно ешь, идёшь к врачу, ищешь квартиру, думаешь не только о себе. Это и есть справляться. Не красиво, не спокойно, не как в чужих рассказах. Зато по-настоящему.

Лия опустила взгляд.

— А если я скажу Захару, и всё снова станет его решением?

— Тогда ты напомнишь ему, что решение твоё тоже. А если он не услышит — рядом буду я. Адвокат. Врач. Закон. И твоя собственная злость, которую пора перестать стыдиться.

— Я не хочу войны.

— Никто не хочет. Но иногда мир возможен только после того, как перестаёшь капитулировать.

Лия усмехнулась.

— Ты должна писать речи для женщин, которые собирают чемоданы.

— Я могу начать с твоей.

В кухне закипел чайник.

Ольга встала.

— Через час едем смотреть квартиру. Потом адвокат. Потом ты отдыхаешь.

— А работа?

— Работа подождёт.

— Клиенты не будут ждать вечно.

— Вечно — нет. До завтра — будут.

Лия хотела возразить, но вместо этого сделала ещё один глоток воды.

Ей действительно нужно было беречь силы.

Теперь это было не слабостью.

Это было обязанностью.

***

Квартира находилась в старом доме недалеко от городского сада.

Лия сразу сказала себе, что не будет выбирать сердцем. Ей нужно безопасное место, удобный район, нормальная хозяйка, договор, возможность быстро въехать. Никаких «мне здесь тепло» и «у окна красивый свет». Тепло и свет можно будет купить позже, когда земля под ногами станет твёрже.

Но когда хозяйка открыла дверь, Лия поняла: сердцу всё равно.

Квартира была маленькой, светлой и немного неровной, как старые дома, которые прожили больше, чем их жильцы. Узкая прихожая, кухня с окном во двор, комната с деревянным полом, который поскрипывал под ногами. На стенах — простые светлые обои, без дорогого блеска. В углу стоял старый книжный шкаф. На подоконнике остался пустой глиняный горшок.

— Мебель можно убрать частично, — говорила хозяйка, женщина лет шестидесяти с внимательными глазами. — Шкаф лучше оставить, он тяжёлый. Соседи спокойные. Договор официальный. Предоплата за первый месяц и залог. Животных нет?

— Нет, — сказала Лия.

Ольга кашлянула.

Лия бросила на неё взгляд.

Ольга невинно посмотрела в окно.

Хозяйка не заметила.

— Детей тоже нет? — спросила она буднично, листая документы.

Лия замерла.

Ольга мгновенно повернулась.

Вопрос был обычный. Совсем обычный. Но для Лии он прозвучал так, будто кто-то резко распахнул дверь в её тайну.

— Пока нет, — сказала она.

Голос прозвучал ровно.

Ольга чуть заметно выдохнула.

Хозяйка кивнула, ничего не заподозрив.

— Если появятся, предупредите. Я не против детей, просто договор нужно будет немного изменить по срокам проживания. Мне важно, чтобы люди жили спокойно и не съезжали через месяц.

Лия посмотрела на неё внимательнее.

— Вы не против?

— Милочка, я сама троих вырастила в комнате меньше этой. Против детей бывают только те, кто забыл, что когда-то тоже шумел.

Лия неожиданно почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Понятно.

Ольга сразу вмешалась:

— Мы можем осмотреть кухню?

— Конечно.

Кухня была маленькая, но чистая. Из окна виднелся двор: мокрые деревья, лавочка, старая песочница, подъезд напротив. Никаких высоких заборов. Никаких охранников. Никакого ощущения, что тебя могут вписать в чужую систему.

Лия стояла у окна и вдруг представила здесь утро.

Чайник.

Свет.

Детскую чашку когда-нибудь потом.

Она испугалась этой картинке так сильно, что отошла.

Ольга тихо спросила:

— Что?

— Ничего.

— Подходит?

Лия обернулась и посмотрела на комнату.

Да, квартира была маленькой. Да, неидеальной. Да, в ванной старая плитка, а пол скрипел. Но здесь можно было дышать.

— Подходит, — сказала она.

Слово вышло неожиданно уверенно.

Хозяйка обрадовалась:

— Тогда оформим? У меня ещё двое смотрят вечером, но вы мне понравились. Тихая вы.

Ольга тихо фыркнула.

— Тихая, да.

Лия впервые за долгое время улыбнулась не через боль.

Договор они решили подписать после консультации с адвокатом. Хозяйка не возражала. Лия внесла небольшой задаток, взяла копию документов и вышла на улицу с ощущением, будто в кармане у неё лежит не квитанция, а первый кирпич нового дома.

На лестнице Ольга остановилась.

— Ты понимаешь, что это почти победа?

— Пока только задаток.

— Для женщины, которая три дня назад ушла с сумкой и разбитым сердцем, задаток за квартиру — это уже флаг на вершине.

Лия слабо рассмеялась.

— Не преувеличивай.

— Я редактор твоей реальности. Имею право на художественное усиление.

На улице было холодно, но без дождя. Лия вдохнула глубже.

Её немного качнуло от слабости, и Ольга сразу взяла её под руку.

— Так, флаг на вершине сейчас упадёт.

— Не упадёт.

— Сядем в машину и поедem к адвокату. Без геройства.

Лия кивнула.

В машине она достала телефон.

Сообщений от Захара не было.

И это почему-то действовало сильнее, чем если бы он писал каждую минуту.

Он держал слово.

Не давил.

Не появлялся.

Не требовал.

Лия должна была радоваться этому.

Но вместе с облегчением приходила новая тревога: а вдруг он устал? Вдруг решил, что сделал достаточно? Отменил свадьбу, поссорился с отцом, потерял часть жизни — и теперь ждёт, когда она сама вернётся. Или, наоборот, впервые увидел свободу без неё.

Эта мысль кольнула так неожиданно, что Лия рассердилась на себя.

— Что? — спросила Ольга.

— Ничего.

— Ты посмотрела на телефон и сделала лицо женщины, которая сама себя укусила за сердце.

— Поэтично.

— Точно.

Лия убрала телефон.

— Он не пишет.

— Ты просила не давить.

— Знаю.

— И он не давит.

— Знаю.

— И тебя это бесит.

Лия отвернулась к окну.

— Немного.

Ольга рассмеялась.

— Поздравляю. Ты живой человек, а не памятник здравому смыслу.

— Я должна быть последовательной.

— Нет. Ты должна быть честной. Последовательность придумали люди, которые не были беременны от мужчины, отменившего свадьбу с другой женщиной три дня назад.

Лия всё-таки улыбнулась.

— Формулировка ужасная.

— Зато точная.

***

Адвокат принял их в строгом кабинете без лишней роскоши.

Его звали Виктор Павлович. Невысокий, седой, в очках, с сухим голосом и внимательностью человека, который привык слушать не эмоции, а риски. Он прочитал документы на квартиру, задал несколько уточняющих вопросов, внёс пометки.

— Договор нормальный, — сказал он. — Но пункт о досрочном расторжении нужно переписать. И оплату только официально, переводом на счёт или по расписке. Никаких наличных без подтверждения.

Лия кивнула.

— Хорошо.

— Теперь о главном. Елена Андреевна предупредила меня, что возможны попытки давления со стороны влиятельных лиц. Я не спрашиваю подробностей, если вы не готовы. Но мне нужно понимать масштаб.

Лия посмотрела на Ольгу.

Та молча кивнула: решай сама.

Лия сжала пальцы на сумке.

— Отец мужчины, с которым я была в отношениях, может попытаться вмешаться в мою жизнь.

— В каком виде?

— Слежка уже была. Сообщение с угрозой — тоже.

— Покажите.

Лия достала телефон и открыла переписку с Андреем Воронцовым.

Виктор Павлович прочитал.

Его лицо почти не изменилось, только взгляд стал холоднее.

— «Вы переоцениваете свою самостоятельность», — повторил он. — Неприятно. Не прямое юридическое основание, но как элемент давления — зафиксируем. Скриншоты сохранить.

Номер записать. Если будут звонки — не отвечать, либо включать запись, если это законно в рамках вашей ситуации. На встречи не ходить. В случае появления у дома — сразу сообщать.

— Он не из тех, кто просто придёт к дому, — сказала Лия.

— Такие люди редко приходят сами. Поэтому мы фиксируем не только его, но и посредников.

Он сделал запись.

— Работа?

— Частные заказы. Интерьеры. Несколько постоянных клиентов.

— Могут давить через них?

Лия задумалась.

— Могут. Если захотят.

— Тогда подготовьте список текущих проектов, договоров и оплат. Чтобы в случае внезапных отказов было понятно, где совпадение, а где давление.

Ольга одобрительно кивнула.

— Это я помогу.

Виктор Павлович посмотрел на Лию.

— Жильё сейчас где?

— У подруги. Но нашла квартиру.

— Хорошо. Договор пришлите мне до подписания. Адрес не распространять. В документах указывать только там, где необходимо.

Лия кивала, стараясь всё запомнить.

Разговор был сухим, деловым, почти неприятным. Но от этой сухости становилось спокойнее. В отличие от мира Захара, где решения принимались за закрытыми дверями, здесь всё раскладывалось на пункты: документы, звонки, доказательства, права.

— И ещё, — сказал адвокат, сняв очки.

Лия напряглась.

— Если есть обстоятельства, которые могут повысить интерес этих людей к вам, лучше сказать мне сейчас. Я не имею права разглашать. Но должен понимать риски.

В комнате стало тихо.

Ольга не шевельнулась.

Лия почувствовала, как кровь прилила к лицу, потом отхлынула.

Вот он.

Первый настоящий выбор.

Сказать — значит зафиксировать беременность не только у врача и подруги, но и в юридической плоскости. Не сказать — значит оставить адвоката без важнейшей части картины.

Она положила ладонь на живот.

Виктор Павлович заметил.

Не удивился.

Просто ждал.

— Я беременна, — сказала Лия.

Слова прозвучали спокойно.

Даже слишком спокойно.

Ольга чуть заметно выдохнула рядом.

Адвокат кивнул, будто Лия сообщила важный факт дела.

— Отец ребёнка — тот самый мужчина?

— Да.

— Он знает?

— Нет.

— Его семья знает?

— Нет. Возможно, мать догадывается.

— Отец?

— Нет.

— Хорошо. Тогда ситуация серьёзнее.

Лия сжала пальцы.

— Я знаю.

— Пока беременность на раннем сроке, круг знающих должен быть минимальным. Врач, вы, подруга, я. Если мать мужчины действительно догадывается, нужно понять, можно ли ей доверять.

— Я не знаю.

— Тогда не считаем её безопасной стороной. Не из недоверия к ней лично, а из осторожности.

Лия кивнула.

Ей понравилось, что адвокат не осуждает и не задаёт лишних вопросов. Не спрашивает, почему Захар не знает. Не говорит, что отец имеет право. Не произносит громких слов. Просто строит защиту вокруг факта.

— Вы планируете сообщить отцу ребёнка? — спросил он.

— Да. Но не сразу.

— Это ваше право. Однако я советую не затягивать слишком долго. Чем позже он узнает, тем больше эмоциональный конфликт. А если информация всплывёт от третьих лиц, вы потеряете контроль над моментом.

Лия медленно кивнула.

— Я понимаю.

— Важно: до рождения ребёнка никто не может принудить вас к каким-либо решениям относительно места жительства, наблюдения, общения. После рождения вопросы отцовства, участия, содержания и порядка общения могут регулироваться официально. Если отец признаёт ребёнка добровольно — один сценарий. Если нет — другой. Если признаёт, но семья пытается давить — третий.

От слова «после рождения» у Лии закружилась голова.

Рождение.

Настоящий ребёнок.

Не полоски. Не анализ. Не осторожная ладонь на животе.

Младенец.

Её.

И Захара.

Она сглотнула.

Ольга незаметно придвинула к ней стакан воды.

— Спасибо, — прошептала Лия.

Виктор Павлович дождался, пока она сделает глоток.

— Вы не обязаны решать всё сегодня. Сегодня мы делаем только первое: защищаем вашу самостоятельность. Для этого мне нужны копии документов, медицинское подтверждение беременности, договор аренды, список людей, которые могут знать о вашем местонахождении, и все сообщения от сторон, связанных с семьёй мужчины.

Лия кивнула.

— Я всё пришлю.

— Хорошо. И ещё. Если отец ребёнка будет действовать спокойно, через диалог и уважение к вашим границам, это одно. Если начнёт давить — сразу сообщаете мне. Даже если любите его.

Лия подняла глаза.

Адвокат сказал это без жестокости.

Но точно.

— Особенно если любите, — добавил он. — Любовь часто мешает вовремя назвать давление давлением.

Лия почувствовала, как в груди больно сжалось.

— Я уже поняла.

— Значит, будем надеяться, что поняли не поздно.

После встречи они вышли на улицу молча.

Лия шла медленно. В голове стучали слова: «отец ребёнка», «после рождения», «порядок общения», «медицинское подтверждение».

Ольга взяла её под руку.

— Ты молодец.

— Меня сейчас стошнит.

— Это тоже можно считать реакцией сильной женщины на юридическую реальность.

— Не смейся.

— Ладно. Машина там.

В машине Лия долго молчала.

Потом сказала:

— Я должна сказать Захару до УЗИ.

Ольга не сразу ответила.

— Почему именно до?

— Потому что если я увижу... если услышу от врача больше, чем цифры, мне будет ещё труднее. Это станет слишком живым. А он узнает как будто позже всех. Я не хочу мстить ему ребёнком.

— Это мудро.

— Нет. Это страшно.

— Одно другому не мешает.

Лия достала телефон.

Открыла переписку с Захаром.

Последнее сообщение от него было вчера:

«Это сделано. Я не жду ответа».

Её короткое: «Я видела».

Его: «Спасибо, что сказала».

И тишина.

Лия набрала:

«Нам нужно встретиться».

Пальцы замерли.

Ольга не смотрела в экран, но почувствовала.

— Если отправишь, назад уже не откатишь.

— Знаю.

— Хочешь, я выйду?

— Нет.

Лия добавила:

«Не сегодня. Завтра. В людном месте. Без попыток увезти меня куда-либо. Разговор важный».

Она перечитала и почувствовала, как сердце колотится в горле.

— Отправляй, — тихо сказала Ольга.

Лия нажала.

Ответ пришёл через минуту.

«Где и во сколько скажешь — я буду. Один. Как ты попросишь».

Лия закрыла глаза.

Не спросил, что случилось.

Не потребовал объяснений.

Не написал: «Я приеду сейчас».

Просто согласился.

От этого стало легче.

И ещё страшнее.

Она ответила:

«Завтра в двенадцать. Кафе у городского сада. Второй зал».

Захар:

«Хорошо».

Через несколько секунд:

«Спасибо, что согласилась на разговор».

Лия не ответила.

Она положила телефон на колени и посмотрела в окно.

Город казался обычным. Люди переходили дорогу, несли пакеты, спешили по делам, ругались по телефону, смеялись у остановки. Никто не знал, что в одной машине сидит женщина, которая завтра скажет мужчине, что он станет отцом.

И что от его реакции может зависеть всё.

***

Захар прочитал сообщение Лии в переговорной, где только что подписал документы о выходе из нескольких проектов.

Юрист что-то объяснял о сроках, компенсациях, обязательствах. На столе лежали бумаги, каждая из которых отрывала от прежней жизни ещё один слой. Ещё неделю назад Захар воспринимал бы это как катастрофу.

Теперь всё казалось фоном.

«Нам нужно встретиться».

Он заставил себя не встать сразу.

Не позвонить.

Не написать десять вопросов.

Он перечитал следующее:

«Не сегодня. Завтра. В людном месте. Без попыток увезти меня куда-либо. Разговор важный».

Без попыток увезти.

Эта фраза ударила больно.

Она действительно боялась, что он может так сделать.

И самое страшное — раньше он, возможно, счёл бы это защитой.

Захар медленно выдохнул и набрал короткий ответ.

«Где и во сколько скажешь — я буду. Один. Как ты попросишь».

Он отправил и положил телефон экраном вниз.

Юрист замолчал.

— Всё в порядке?

— Нет, — сказал Захар. — Продолжайте.

Юрист не стал уточнять.

Через несколько минут пришёл адрес и время.

Кафе у городского сада.

Второй зал.

Захар написал: «Хорошо».

И ещё, после короткой паузы:

«Спасибо, что согласилась на разговор».

Это было всё, что он мог себе позволить.

Когда встреча закончилась, Захар вышел на улицу без водителя. Воздух был холодным, острым. Он шёл пешком несколько кварталов, не выбирая направление, пока не оказался у маленького сквера. Мокрые скамейки, голые деревья, женщина с детской коляской у дорожки.

Он остановился.

Ребёнок в коляске заплакал — тонко, недовольно, живо. Женщина наклонилась, поправила одеяло, что-то тихо сказала. Ребёнок постепенно успокоился.

Захар смотрел на них и вдруг вспомнил странное ощущение в разговоре с отцом, когда тот бросил фразу: «Когда ребёнок заплачет...»

Тогда это было просто слово.

Теперь, после сообщения Лии, оно всплыло снова.

Разговор важный.

Что может быть важнее всего, что уже случилось?

Она нашла квартиру?

Уезжает?

Просит больше не писать?

Или...

Захар резко отвернулся.

Нет.

Нельзя строить догадки.

Особенно такие.

Надежда иногда бывает формой насилия над реальностью.

Он достал телефон и набрал мать.

Елена ответила быстро.

— Захар?

— Лия согласилась встретиться.

На другом конце повисла пауза.

— Когда?

— Завтра.

— Хорошо.

В голосе матери было что-то слишком осторожное.

Захар нахмурился.

— Ты что-то знаешь?

— Нет.

— Мам.

— Я знаю только, что она очень устала. И что ты должен быть бережен.

— Ты говоришь так, будто...

— Захар, — перебила она мягко, но твёрдо. — Не додумывай. Завтра просто слушай.

— Я и собираюсь.

— Нет. Ты собираешься услышать то, чего боишься, и сразу начать действовать. А тебе нужно сначала слушать.

Он молчал.

Елена вздохнула.

— Сын, иногда лучший поступок мужчины — не шаг вперёд, а способность не сделать шаг, пока женщина не попросила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.